

С Т Е Н О Г Р А М М А

заседания Правлений ООО «РСПП» и ООР «РСПП»

13 октября 2010 г.

Председательствующий: Шохин А.Н.

Александр Шохин: – Уважаемые коллеги! Разрешите мне открыть заседание Правления Российского союза промышленников и предпринимателей. Мы имеем возможность начать работу. Зарегистрировалось на 11 часов 118 членов Правления. Кворум имеется.

На заседание приглашены также руководители региональных отделений Союза. Руководители отраслевых объединений работодателей. Члены контрольно-ревизионной комиссии. В работе Правления принимают участие наши гости из Правительства. Это традиционная форма участия.

Присутствуют:

Шматко Сергей Иванович, Министр энергетики Российской Федерации

Шаталов Сергей Дмитриевич, заместитель Министра, статс-секретарь министра финансов.

Воскресенский Станислав Сергеевич, заместитель Министра экономического развития.

Новиков Сергей Геннадьевич, руководитель Федеральной службы по тарифам

Беляков С.Ю. – директор Департамента инвестиционной политики и развития частно-государственного партнерства

Херсонцев А.И. – директор Департамента оценки регулирующего воздействия Минэкономразвития России

С учетом того, что у нас два ключевых вопроса в повестке дня, вышеуказанные коллеги будут, соответственно, приходить и уходить. Будем иметь в виду и другие их обязательства.

Уважаемые коллеги. Проект повестки дня у вас имеется. Просьба проголосовать за предложенный проект повестки дня, если у вас нет

предложений и замечаний. Кто «за» предложенный проект, прошу голосовать. «Против»? Воздержавшихся нет. Повестка дня утверждается.

О регламенте. Есть предложение докладчикам по первому и второму вопросу не превышать пятнадцати минут. Выступающим – семи минут. Предлагается также работать без перерыва. Если возражений нет, то предлагается без голосования утвердить регламент.

По первому вопросу, о практике энергосбережения. Уже год работает, как известно, Закон об энергосбережении и повышении энергоэффективности. Сегодня мы рассматриваем ту практику, которая сложилась за этот год.

При этом имеем в виду и работу компаний в новых законодательных условиях. Естественно, и создание нормативной базы. Поскольку Закон, как известно, предполагал издание около пятидесяти нормативных актов, постановлений Правительства. Мы - активные участники процесса разработки и принятия закона. Поэтому, безусловно, не можем не держать руку на пульсе при оценке правоприменения через нормативные акты правоприменения на практике.

У нас докладчиком по этому вопросу выступает Вагит Юсуфович Алекперов, член Бюро Правления РСПП, председатель Комитета РСПП по энергетической политике и энергоэффективности. Пожалуйста, Вагит Юсуфович.

Вагит Юсуфович Алекперов, член Бюро Правления РСПП, председатель Комитета по энергетической политике и энергоэффективности:

- Уважаемые коллеги! В соответствии с планом работы Российского союза промышленников и предпринимателей, Комитетом по энергетической политике и энергоэффективности представлен на рассмотрение Правления Союза проект позиции о практике энергосбережения.

В отличие от дискуссии на эту тему в 2007-2009-м годах, включая двустороннее совещание РСПП и органов государственной власти, сегодня мы не ограничиваемся предложениями. Мы подводим предварительные итоги проделанной работы. Оцениваем эффективность политики, реализуемой на федеральном и региональном уровне.

Как вы знаете, за последний год сделаны серьезные шаги в формировании правовой базы энергосбережения. Принят базовый федеральный закон и нормативные акты его исполнения.

Минэнерго России подготовлен проект государственной программы энергосбережения до 2020-го года. В субъектах Федерации утверждены региональные программы.

Однако объективно (результаты проведенного РСПП опроса это подтверждают) для значительной части населения и предпринимательского сообщества энергосбережение, повышение энергетической эффективности остаются красивыми лозунгами, но не призывами к действию.

В чем причина? По нашему мнению, главные барьеры остаются прежними. Первое – низкая мотивация. У бизнеса выгоды от экономии незначительные. Они ниже затрат на техническое переоснащение производства. Население: доступные энергетическое, газо-, тепло-, последние социальные блага, от которых не хочется отказываться.

Ограниченный доступ к долгосрочным финансовым ресурсам. По экспертным оценкам, две трети предпринимателей испытывают нехватку средств для реализации энергосберегающих проектов. Банки не могут предложить привлекательные условия кредитования. Все проекты энергосбережения сегодня (мы должны это понимать) требуют дополнительных инвестиций. Особенно в начальный период.

Третье. Отсутствие достоверной и полной информации о наилучших практиках энергосбережения. Эффективные технологии и организационные решения. Обследование предприятий, выявление потенциала энергосбережения, обучение мотивации персонала.

Предложения, изложенные в проекте позиции РСПП по данному вопросу, не отличаются оригинальностью. Они давно реализованы в мировой практике. Сегодня работа консалтинговых фирм на территории Российской Федерации практически не ведется. По одной причине: все это стоит дополнительных средств.

Экономическая мотивация со стороны государства производится не только через повышение тарифов (метод «кнута»), но и, прежде всего, путем стимулирования производителей и потребителей к внедрению новых технологий и созданием благоприятных условий для инвестиций в энергосбережение.

К сожалению, среди принятых по состоянию на сегодняшний день нормативных актов ни один не направлен на реализацию заложенных в базовом законе принципов экономического стимулирования

энергосбережения: субсидирование процентных ставок по кредитам, льготная амортизация; снижение ставки по налогу на имущество. Из семнадцати постановлений, которые должны были быть приняты в развитие базового закона, к сожалению, сегодня ни одно не реализовано.

Второе. Экономия энергии для конечных потребителей должна сопровождаться не только дополнительным снижением потребления первичной энергии по всей системе производства и передачи энергоресурсов, но и непосредственно влиять на величину устанавливаемых тарифов, цен на энергоресурсы.

Негибкие условия договоров на электро- и газоснабжение приводят к тому, что размер оплаты основывается на прогнозах спроса, а не на реальной величине потребления. В результате компании заинтересованы в сохранении договорных лимитов, а не в экономии.

Пропаганда энергосбережения и его экономической привлекательности, обеспечение доступной информации, ее достоверности в сравнении с международным опытом. Мы предлагаем создать в регионах специальные пилотные центры. В них будут представлены современные, в том числе и зарубежные, технологии. Оборудование и экономические практики, наилучшие доступные технологии.

Такие центры могут быть и базой для подготовки специалистов в области ресурсосбережения. Оптимальный механизм создания и функционирования центров – государственное и частное партнерство. Или на базе каких-то передовых предприятий в регионах.

Директивная политика пропорционального снижения энергоемкости в субъектах Российской Федерации должна учитывать мероприятия и целевые показатели, достигнутые в предыдущие годы. Поскольку стартовые условия модернизации промышленности по состоянию на 2009-2010 годы существенно отличаются в передовых регионах (например, Татарстан или Ханты-Мансийский автономный округ) от отстающих регионов. В противном случае дальнейшее снижение энергоемкости потребует значительных финансовых ресурсов в условиях неочевидности экономического эффекта.

Создание системного механизма поддержки отечественных научно-технических разработок. По аналогии с методикой «РОСНАНОТЕХ», возможно рассмотреть вопрос о проведении экспертизы энергосберегающих

проектов, их коммерческой эффективности на базе «Российского энергетического агентства».

Полагаю, что в последующих выступлениях коллеги более подробно остановятся на предлагаемых мерах стимулирования сбережения энергии, развитии институтов и новых секторов в сфере энергоэффективности. Уверен, что совместными усилиями государственных органов и компаний, направленных на развитие частной инициативы и устранение барьеров, можно будет оказать положительное влияние на конкурентоспособность наших предприятий. Спасибо.

Александр Шохин – Спасибо, Вагит Юсуфович. Вопросы к докладчику, если они будут, можно задать в письменном виде. Сейчас я хотел бы предоставить слово Сергею Геннадьевичу Новикову, руководителю Федеральной службы по тарифам.

На заседаниях Правления мы регулярно обсуждаем тему тарифов и их роли. Как в посткризисном развитии, так и в решении целого ряда других проблем. Поэтому, Сергей Геннадьевич, я боюсь, что Вам не только свою позицию придется изложить. Но даже и ответить на некоторые вопросы.

Сергей Геннадьевич Новиков, *руководитель Федеральной службы по тарифам:*

- Спасибо, Александр Николаевич. Я надеюсь, что отвечать не за все придется.

Уважаемые коллеги. Я, учитывая ограниченные временные рамки, постараюсь в них уложиться. Поэтому ограничусь только важными, с нашей точки зрения, позициями. Теми, которые имеют прямую отношение к компетенции Федеральной службы по тарифам.

Начну, собственно, с того, что уже было сказано Вагитом Юсуфовичем. 23 ноября 2009-го года был принят 261-й Федеральный Закон «Об энергосбережении и о повышении энергоэффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

В развитие тех положений, чтобы структурировать всю дальнейшую работу, прежде всего федеральных министерств и ведомств, а также потребителей, был утвержден Правительством соответствующий план мероприятий.

В рамках выполнения этого плана 15 мая текущего года было принято Постановление Правительства «О порядке установления требований к программам в области энергосбережения и о повышении энергоэффективности организаций, осуществляющих регулируемые виды деятельности».

Я сфокусируюсь и остановлюсь только на нашей компетенции. На тех требованиях закона и той работе, которую мы провели. Имея в виду наши требования к тем организациям, которые мы регулируем.

Соответственно, в рамках того календаря, который был утвержден на законодательном уровне, приказами ФСТ России до 1 сентября текущего года были утверждены требования к программам энергоэффективности регулируемых организаций.

Это, в частности, такие крупные компании, как «РЖД», «Газпром», «Транснефть», «Системный оператор», «Федеральная сетевая компания», ГУП «Почта России», «МГТС» и другие. Аналогичные решения, аналогичные требования были приняты региональными органами регулирования в отношении тех компаний, организаций, которые регулируются на региональном уровне.

К сожалению, у нас получилась определенная разбежка между сроками, которые были первоначально установлены на законодательном уровне, а именно 15-го мая, и теми сроками, которые в итоге были определены Правительством. Поэтому ряд программ, которые были приняты компаниями до 15-го мая, несколько не соответствуют тем требованиям, которые были чуть позже сформулированы в Постановлении Правительства.

Однако на сегодняшний день присутствует норма, которая дает полномочия федеральным и региональным органам регулирования определить соответствующие сроки по приведению этих нестыкующихся программ (по повышению энергоэффективности) с теми требованиями, которые определены в 340-м Постановлении Правительства.

Что, собственно, нового или что принципиального было сформулировано в законе? Что принципиально мы отражали в рамках своей текущей деятельности?

Первое. Вся регуляторика, направленная на повышение энергоэффективности и энергосбережения, базируется на установлении долгосрочных тарифов на основании долгосрочных параметров

регулирования. В каких-то отраслях эти решения уже существенно продвинуты. Я имею в виду, прежде всего, электроэнергетику и регуляторику, связанную с сетевым комплексом. Вы помните, что первое постановление Правительства по этому поводу появилось в 2008-м году. Ряд пилотных регионов перешли на долгосрочное регулирование еще в 2008 году, если говорить о плате за передачу по электрическим сетям.

По ряду отраслей, включая организации коммунального комплекса. На уровне закона такие решения тоже сформулированы. По плану, с учетом появления подзаконных актов, с учетом появления постановлений Правительства и соответствующих методик Минрегиона и наших, мы планируем такого рода решения в основном по «коммуналке», начиная с 2012-го года. «Мы» - в данном случае я говорю про страну.

Есть еще одно принципиальное решение. Оно обозначено здесь, во втором квадратике.

Оно имеет отношение не только к вопросам, связанным с энергоэффективностью, в целом к регуляторике. Имея в виду, что регулирование – это не просто цифра. Это правила игры, которые могут быть выражены в методологии. Или в виде формулы цены, которая дает соответствующий цифровой результат для фиксации существенных условий договора между регулируемой организацией и потребителем ее услуг.

Есть также ряд позиций, которые стимулируют на экономическом уровне регулируемые организации внедрять, осуществлять программы повышения энергоэффективности, имея в виду гарантии (я извиняюсь за жаргон) «невырезания» той самой экономии, которая образуется в результате реализации таких программ.

В чем отличие того, что мы сделали в соответствии с законодательством и того, что мы обязаны будем сделать в следующем году? Тема, которая была обозначена Президентом, те нормы, которые были зафиксированы в 261-м Законе, являются достаточно объемными и фундаментальными по объему реализации. Поэтому вся работа, грубо говоря, разбита на два этапа.

Первый этап. Те решения, те требования, которые мы отфиксировали в своих приказах к программам энергосбережения, энергоэффективности, по отношению к регулируемым организациям, носят, во-первых, долгосрочный характер, сформулированы на три года. Во-вторых, в настоящее время они носят отчасти «переходный» параметр, характер. Поскольку не содержат в

себе цифровых показателей реализации этих самых программ повышения энергоэффективности.

На следующем этапе, то есть до 1 апреля 2011-го года (у нас очень короткий промежуток времени, фактически полгода), эти программы должны быть оцифрованы.

(Слайд).

Соответственно, здесь, в правой колонке зафиксированы отличия того, что мы еще должны доделать в конце этого и начале следующего года. Чтобы эти программы приобрели осмысленный, полный формат, за который можно спрашивать.

При этом сама процедура установления предполагает, по-прежнему, долгосрочное формулирование требований к регулируемым организациям. Со сдвижкой календарного периода на год. То есть: трехлетка есть, оцифровка и сдвижка еще на один год.

(Слайд).

На следующем слайде представлен ряд календарных позиций, которые мы должны доделать уже в 2010-м году. Я имею в виду утвержденные формы отчетности по исполнению установленных требований по программам, связанным с повышением энергоэффективности. А также получить отчеты и предложения, на базе которых по отношению к вышеобозначенным организациям должны быть скорректированы эти требования.

Что еще предусмотрено в законодательстве, имея в виду определенную «карательную» составляющую за несоблюдение требований за непринятие программ? Были внесены изменения в Кодекс об административных правонарушениях.

(Слайд)

Здесь в нижней части указано, какого рода карательные санкции могут применяться в случае несоблюдения, непринятия такого рода программ, связанных с повышением энергоэффективности. Это штраф для должностных лиц от 30 до 50 тысяч рублей. Для юридических лиц – от 50 до 100 тысяч рублей.

В целом, заканчивая этот блок, еще раз хочу зафиксировать, что первая часть работы на сегодняшний день закончена. Закончена в срок. Все

соответствующие решения и приказы были подписаны до 1-го сентября текущего года, как требует Постановление Правительства. Они будут скорректированы до 1-го апреля следующего года. Опять же, в соответствии с теми положениями законодательства, которые действуют на сегодняшний день.

Ясно, что (Вагит Юсуфович об этом говорил) есть другие факторы, которые определяют характер поведения участников рынков. Соответственно, принятие или непринятие тех или иных, в том числе инвестиционных, решений, направленных организациями, и решений, направленных на повышение энергоэффективности.

Немаловажную, одну из существенных, роль играет вопрос, связанный с величиной цен или с величиной тарифов, которые, в том числе, подлежат государственному регулированию. Или не подлежат регулированию, если мы говорим, например, о цене на нефтепродукты.

Я не буду останавливаться на нерегулируемом секторе. Остановлюсь на тех решениях, которые были приняты Правительством 23-го сентября в рамках обсуждения и одобрения прогноза социально-экономического развития на 2011 год и на трехлетку.

Цифровые показатели известны, их можно не комментировать. Скажу лишь в качестве дополнения следующее. Буквально позавчера в Новом Уренгое состоялось совещание по рассмотрению программы развития газовой отрасли. Был еще раз поднят вопрос, связанный с переходом на формульное ценообразование оптовых цен на газ в Российской Федерации.

Было обсуждено и поддержано предложение, что такого рода принципиальный переход осуществится с 1-го января следующего года. Мы были ответственными по плану действий Правительства за разработку этого документа. Соответствующее Постановление Правительства ФСТ России в Правительство внесено. Однако хочу констатировать и точно заверить, что в рамках этого перехода, в рамках тех процедур, которые предусматриваются на переходный период до достижения равнодоходности.

По крайней мере, абсолютно точно на следующий год все эти решения, которые были записаны в прогнозе социально-экономического развития (я имею в виду 15%-ный рост оптовых цен на газ) будут выполнены. Это будет сделано с учетом соответствующих дисконтирующих коэффициентов. Они будут введены в эту формулу цены соответствующими корректировками. Я

еще раз подчеркиваю, что это позволит ценовые параметры привести ровно к тем решениям, которые были одобрены в рамках прогноза. Совершив при этом такой важный, принципиальный переход.

По электроэнергетике. С 1-го января следующего года – 100%-ная либерализация рынка. Вы знаете, что летом текущего года был принят ряд федеральных законов. В том числе, поправки в Закон об электроэнергетике. В соответствии с ним был упорядочен ряд правовых норм, которые в Законе об электроэнергетике присутствуют.

При этом хочу отметить следующее. Вагит Юсуфович, в Вашем докладе было сказано по поводу негибких условий договоров. Но, с нашей точки зрения, в рамках взаимоотношений независимых сбытовых компаний и особенно крупных потребителей этой проблемы нет.

Проблема точно есть во взаимоотношении сбытовых компаний и уязвимых потребителей, неквалифицированных потребителей (по-разному можно называть). Когда определенные условия договоров действительно реально навязываются потребителю. Он не имеет той квалификации, которую имеют крупные металлурги, нефтяники, газовики. За себя постоять не может.

Если говорить о дальнейших шагах, связанных с дополнительным нормативным регулированием, связанном в целом, помимо конфигурации розничного рынка, то, конечно, имеет смысл обсуждать тему, связанную со стандартизацией или типизацией договоров в определенном смысле. Которые есть или должны быть у гарантирующих поставщиков и у «неквалифицированных» потребителей, которые не имеют возможности на равных спорить. В том числе в рамках судебных разбирательств с энергетиками.

В целом, повторю еще раз, на сегодняшний день договорная конструкция, имею в виду отношения независимых сбытовых компаний и крупных потребителей, в частности, наоборот, никак не ограничивается. Условия могут быть самыми гибкими.

(Слайд).

В заключение хотел бы остановиться еще на одном слайде. Он является заключительным. С нашей точки зрения, он является важным в целом для дальнейшего обсуждения. Как для дискуссии, так и для дальнейших шагов и порядка действий.

У нас очень неблагоприятная работа, поскольку ничего позитивного в слове «тариф» точно нет. Если тарифы растут, то все недовольны. Если падают, то тоже недовольны. Потому что, значит, должны были упасть вчера. Значит, регулятор недоработал, не приняв решение по их снижению вчера.

Я хотел бы, уважаемые коллеги, зафиксировать следующее. Мы, как очень многие экономические решения, в данном случае являемся той самой обратной стороной других решений, которые оказывают непосредственное влияние на цену услуги.

Первое, на что хотел бы обратить внимание. Это имеет отношение ко всему. В том числе, к той тематике, которая поставлена сегодня во главу угла. Имею в виду вопросы, связанные с энергоэффективностью.

Техническое регулирование. Если вы на сегодняшний день при проектировании с учетом действующих технических регламентов или СНиПов закладываете такой объем условно-постоянных затрат, то у вас чуда не будет. Я повторяю: при проектировании. Потому что по-другому не можете пройти ряд процедур. В том числе ряд экспертиз.

Эти самые затраты, «лишние», капитального характера – они в любом случае окажутся, или окажут свое влияние на величину тарифа, на стоимость конечной услуги.

При этом если вы, в рамках такого рода работ, закладываете новые инновационные технические решения, то, фактически, вы в итоге заставите потребителя платить дважды. Потому что, с одной стороны, вы заложили неэффективные капитальные затраты при проектировании. Я не говорю, что это делается намеренно. Но, условно говоря, по оборудованию, у которого межремонтный период равен сроку службы, вы при проектировании заложили требования, связанные с ежеквартальным осмотром. Соответственно, заложили и такой большой объем условно-постоянных затрат. А поставили оборудование, которое в себе, в цене уже содержит возмещение тех инвестиций, которые были произведены, но современные, связанные с его разработкой. Я повторяю еще раз: вы потребителя фактически заставляете платить дважды.

Здесь чуда не будет. Если две эти вещи складываются, то, с учетом той самой амортизационной политики, да еще зачастую с учетом сокращенных сроков полезного использования определенного оборудования, это абсолютно точно

в рамках действующего законодательства скажется на цене услуги или на величине тарифа.

Экологические требования. Их нужно ужесточать. Но абсолютно точно (это не секрет), что это прямое влияние на цену услуг, товаров. Тех, которые реализуются, в том числе, и субъектами естественных монополий, и субъектами электроэнергетики, и другими регулируемыми отраслями.

Налоговая политика обсуждается сейчас. В Новом Уренгое Премьер на это отреагировал, что необходимо еще раз внимательно посмотреть на введение дополнительного налогообложения, связанного с инфраструктурами.

Сейчас по ряду отраслей действуют льготы. Соответствующие налоги (либо на имущество, либо плата за землю) не взимаются. В случае одномоментного перехода к такого рода решениям (если они будут приняты), это, конечно, не может не сказаться на цене услуги.

Можно продолжать. Многообразие включает в себя структурную политику. Вопросы, связанные с денежно-кредитной политикой, со стоимостью тех самых заемных средств, которые используются, в том числе, для реализации инвестиционных программ.

Итогом мы имеем то, что имеем. Мы имеем тот уровень тарифов или тот уровень цен, который диктуется в значительной степени теми решениями, которые в рамках других политик принимаются или не принимаются.

Заканчивая свое выступление, хочу еще раз зафиксировать следующее. Те целевые установки, которые сформулированы в наш адрес по в целом модификации регуляторики, связанной с переходом на долгосрочное тарифообразование, исходя из понятных параметров качества услуг, которые оказываются регулируемые организациями соответствующим потребителям. При определенных гарантиях, что это качество будет достигнуто, что те обязательства, которые регулируемые организации берут на себя или обязаны взять, будут выполнены.

Мы, со своей стороны, можем гарантировать: мы эти решения, политику, которая продиктована Правительством, выполним. В рамках тех планов, которые у нас есть. Спасибо за внимание.

Александр Шохин: – Спасибо, Сергей Геннадьевич.

Сергей Новиков: – Коллеги, я, собственно, уже ответил на этот вопрос. В рамках той компетенции, которая есть у нас, в рамках тех поручений,

которые были даны нам, мы выполнили и приняли все решения на 100%. Я имею в виду Федеральную службу по тарифам. По отношению к организациям, которые мы регулируем.

Александр Шохин: – Ответ засчитывается. Действительно, за рамки своей компетенции Сергей Геннадьевич выходить не может. К сожалению, Сергей Иванович Шматко, обещавший поучаствовать в нашем обсуждении, еще не дошел. Хотя, по моим сведениям, доклад он готовил. Вопросы в рамках компетенции господина Новикова. Пожалуйста.

Мужской голос: – Сергей Геннадьевич, чем обусловлена такая позиция нормативных документов, что предсудебные споры будут рассматриваться **только в тех** случаях, если сто тысяч **надо** заплатить?

Сергей Новиков: – Коллеги, досудебные споры являются добровольной мерой. Мы долго обсуждали на этапе внесения изменений в законодательство. Включая Закон о естественных монополиях, когда проходили эту развилку: обязательность досудебного рассмотрения или его добровольность.

Могу сказать, что судебная система был «за» то, чтобы досудебное рассмотрение было обязательным. Мы были «против». Имея в виду, что не надо ограничивать заявителя, если у него есть желание или возможность решить спор на уровне саморегулируемой организации. Такого рода принципиальные решения Правительством по целому ряду сфер, включая регулируемые, поддержаны. Если у него есть желание решить вопрос в рамках судебного разбирательства, то у него эта возможность есть.

Деньги идут в федеральный бюджет. Мы с этого не имеем ни процент отчислений, ни повышение зарплаты. Если же при этом организация выбирает досудебное рассмотрение споров в рамках Федеральной службы по тарифам, то установлена пошлина в размере 100 тысяч рублей для юридического лица. На сегодняшний день, в нашем понимании, эта цифра не является запредельной. Она вполне посильна подавляющему большинству участников этого рынка.

Повторяю еще раз: это необязательный платеж. Человек, у которого есть вопросы, или организации, которые хотят оспорить то или иное решение, имеют возможности для урегулирования этих проблем в том числе, например, в судебном порядке.

Александр Шохин: – Насколько я понимаю, суть вопроса заключается в следующем. Мы, в некотором смысле, отваживаем, в частности, малый бизнес, от обращения в судебные инстанции. Поскольку издержки достаточно заметны, а результат...

Сергей Новиков: – Александр Николаевич, когда сейчас обсуждается вопрос снижения численности чиновников, я боюсь, что если мы не будем соблюдать определенные процедурные вопросы, мы вообще не сможем выполнять эти функции.

На самом деле, претенциозная работа. Это сложная и достаточно длительная работа. В рамках системы, которая по своим возможностям существенно уступает (я говорю про нас) судебной системе, рассмотреть все вопросы, от каждого гражданина или каждого предприятия малого бизнеса, то есть это десятки или сотни – физически невозможно. Должна быть просто другая постановка вопроса.

Александр Шохин: – Кстати, коллеги. При Российском союзе промышленников и предпринимателей функционирует Третейский суд. Вы можете делать в своих договорах третейскую оговорку с отсылкой на Третейский суд РСПП. Уверяю, у нас пошлина значительно, в разы меньше. Сроки могут быть гораздо быстрее. Будем использовать, кроме суда, еще и другие технологии защиты ваших интересов. Так что обращайтесь. Включайте третейскую оговорку.

Спасибо, Сергей Геннадьевич. Разрешим Сергею Геннадьевич присесть?

Сергей Новиков: – Спасибо.

Александр Шохин: – Спасибо, Сергей Геннадьевич. Я хотел бы дать слово **Михаилу Юрьевичу Слободину**, президенту, председателю правления «КЭС-Холдинга». Активный участник всех баталий по законам. Сейчас - правоприменитель.

Слободин Михаил Юрьевич, президент, председатель правления «КЭС-Холдинг»:

- Да, на самом деле. Действительно, мы были одними из соавторов этого закона. Принимали достаточно активное участие. Что сейчас очень интересно – я первый раз столкнулся с такой историей. Когда Правительство Российской Федерации и вообще вся государственная инфраструктура взяла

этот закон и реализует его, по сути, в прикладном, пилотном и проектном режиме.

Действует специальная рабочая группа по энергоэффективности, которая регулярно работает по проектам.

Задача работы по этим проектам связана с тем, чтобы выявлять проблемы и недостатки функционирования закона, корректировать их по результатам применения. Это очень важная история, которая позволяет достаточно серьезным образом донастраивать все процедуры. Это касается не только самого текста закона. Там же мы обсуждаем вопросы, связанные с теми же подзаконными актами, и так далее, и так далее, и так далее.

Мне бы хотелось немножко поделиться опытом «КЭС-Холдинга», который активно вовлечен в эти процессы. Ту перспективу, которую мы видим не в логике этого закона, а в логике рынка. Она связана с повышением энергоэффективности, энергосбережения. То, что, наверное, на самом деле нас всех и волнует. Как на этом можно заработать.

Первое. Поскольку я представляю одну из крупнейших энергетических компаний. Зачем вообще энергокомпания тема по энергоэффективности? Это такой естественный вопрос, которые задают все. На него не бывает простых и понятных ответов.

С чем мы реально столкнулись на сегодняшний день? Ежегодная индексация повышения тарифов по разным основаниям и так далее, и так далее. При очень серьезной неэффективности потребления энергоресурсов со стороны наших потребителей (я, прежде всего, имею в виду коммунальный сегмент и жилье), мы серьезным образом упираемся уже в режим платежеспособности и, на самом деле, возможности их оплачивать.

Для всего сектора в электро- и теплоэнергетике (больше это касается теплоэнергетики) встает вопрос: насколько вообще жизнеспособна эта система? Система централизованного теплоснабжения. Система, которая позволяет иметь потребление калорий на квадратный метр в три, в четыре раза больше, чем это существует в Европе. Примерно в сопоставимых условиях.

Мы для себя, еще задолго до закона по энергоэффективности, поставили задачу общей оптимизации всей инфраструктуры, связанной с городами, в которых мы работаем. А также подготовка комплексных программ энергоэффективности.

Начали с Воркуты. Сейчас реализуем этот проект в Каменск-Уральском совместно с нашими коллегами из «Трубной металлургической компании». В результате, если смотреть на всю инфраструктуру целиком, начиная от производства, транспорта и конечного потребления, масштабы оптимизации на этом достигают очень существенных величин.

Проблем несколько. Первое. Это процесс - небыстрый. Сначала надо подумать. Сделать комплексную программу на весь город целиком, рассмотрев все инфраструктуры и взаимосвязи между ними. Дальше разработать целый комплекс мероприятий по реализации. Он касается всех субъектов, которые вовлечены в этот процесс.

Самое сложное начинается на следующем шаге. Это вопрос реализации. Я с коллегами во многих случаях общаюсь. К реализации еще фактически никто толком не приступал.

Мы проблем, связанных с реализацией, еще до конца в этом большом сегменте не ощутили. Только сейчас, погружаясь в конкретные проблемы, мы начинаем видеть то, какие проблемы возникают.

В чем базовая проблема вообще энергоэффективности энергокомпаний? Первое. Конечно же, в отсутствии заинтересованности в оптимизации по всей цепочке. Но эта проблема решается. Сергей Геннадьевич говорил о том, что мы переходим на долгосрочные тарифы. Долгосрочные тарифы создают основу, чтобы энергокомпаниям было выгодно оптимизировать и сокращать свои издержки. До этого момента никакой мотивации при ежегодном тарифном регулировании не было и в помине.

Очевидно, что рынок электрической энергии, на который внедряется – фактически, это все издержки, которые энергокомпания получит и снизит – это тоже ее доход. Только эти стимулы, а ни административные, ни технологические, ни какие-то другие фактически не работают по этим направлениям. Попытки административного «зажимания» и понуждения к энергоэффективности не работают. Поэтому только переход к этой схеме.

Только сейчас начинается эта тенденция. Мы начали активно думать и уже реализовывать небольшие программы. Инертность этого закона и вообще изменение – взаимосвязанные вещи, связанные с тарифным регулированием и прочим. Только в течение двух-трех лет мы увидим реальные результаты.

Это большая проблема. Результатов быстро не получится. Огромная проблема (наверное, скорее для малого и среднего бизнеса) связана с тем,

что на стороне жилья фактически спроса на повышение энергоэффективности субъектов нет.

Управляющие компании зарабатывают на том, что обманывают жителей. Потому что легальных моделей зарабатывания денег в жилом фонде тоже нет. Сейчас мы готовим совместно с Министерством регионального развития и Министерством экономического развития поправки в соответствующее Постановление. Чтобы дать управляющим компаниям возможность легально зарабатывать на снижении энергопотребления.

Очень большая проблема. Двигается очень тяжело. Этот подзаконный акт, так называемое 307-е Постановление Правительства, появится в течение ближайших двух месяцев. Только тогда оно реально начнет работать. Реальную работу и реальные результаты мы увидим через год-два. Вот в чем проблема. Проблема инертности во всех этих историях.

Для энергокомпаний, для себя мы выбрали следующий путь. Я общаюсь с большим количеством коллег. Например, энергосбытовые компании сегодня активно развивают сегмент под названием «энергосервисные услуги». Оказание услуг по оптимизации энергопотребления. Чтобы присоединиться, грубо говоря, к тому эффекту, который сегодня существует.

Это и консультирование, это и энергоаудит. Это и реализация каких-то энергоэффективных решений стандартных продуктов. Традиционно, все говорят про лампочки. Но это лишь 5% от того, что может предлагаться.

Мы, как энергокомпания, также сегодня рассматриваем и реализуем бизнес-модель. Модель, по которой мы можем получить эффект от экономии энергопотребления у потребителя. Потому что та объективная тенденция, которая сегодня существует, будет нарастать.

Задача – построить правильную бизнес-модель. Это непросто. Эти продукты сегодня только разрабатываются. Только сейчас мы ее тестируем на отдельных регионах и на отдельных категориях потребителей.

Опыт достаточно интересный. Это предмет длительной, большой дискуссии. Действительно, не хватает «подзаконников». Подзаконные акты выпускаются с достаточно большими задержками. Потому что компетенции по этому поводу ни у кого фактически нет.

Например, по энергосервисным контрактам постановление вышло только в августе. А это серьезная институциональная форма.

Я думаю, что в ближайшее время, три-четыре месяца, основная масса всех «подзаконников» выйдет. Вопрос в другом: насколько мы готовы с себя начинать? Насколько мы готовы заниматься этой тяжелой работой по внедрению мероприятий?

Сейчас программ написана масса. Часть из них плохая, часть из них – хорошая. Но мы еще к реализации фактически (я имею в виду – в этом большом, жилищно-коммунальном и энергетическом сегменте) не приступали. Мы только сейчас, в основном, говорим и начинаем делать первые вещи.

Это тяжелая, серьезная работа. Во многом уже, созданы все предпосылки законодательные. Здесь мы себе должны сейчас задать вопрос, насколько мы к этому готовы. Готовы ли мы двигаться в этом непростом процессе. У меня, в принципе, все. Если есть вопросы – **готов ответить**.

Александр Шохин: – Спасибо. Вопрос такой. Сейчас активно, как грибы после дождя, по инициативе Минэнерго в том числе, создаются двусторонние межстрановые энергетические агентства. Их главная задача – как раз энергосбережение и так далее. Бизнес видит деятельность этих агентств? Либо они - лишь демонстрация внимания к теме?

Михаил Слободин: – Это, скорее, формирование инфраструктуры на сегодняшний день, трансфера технологий наших западных коллег сюда. Очевидно, мы имеем уже некий небольшой и позитивный, и негативный опыт.

Наши западные коллеги во многом рассматривают эти агентства как возможность продвижения своих продуктов, которые не всегда экономически приемлемы. Цена у нас на энергоресурсы все равно ниже, чем в Европе.

Многие проекты, которые там работают, у нас не работают. Это надо делать. Но на самом деле, я честно говорю, вопрос не в этих агентствах. Вопрос в прямых контактах и в спросе на энергоэффективность у конкретных субъектов. А здесь как раз - это формирование законодательной базы и создание именно экономических стимулов для того, чтобы это было.

Управляющие компании. Они ближе всех к жителям. Они ближе всех к инфраструктуре. Это главные агенты по энергосбережению. Но у них нет сегодня легального инструмента зарабатывания. Им не нужны никакие агентства. Им нужны банки, которые будут финансировать энергосервисные

контракты. А банки на сегодняшний день пока только начинают приобретать этот опыт. Маховик только закручивается. Поэтому я бы сильно не ставил на агентства.

Александр Шохин: – Все понятно. Спасибо. Слово Всеволоду Валерьяновичу Гаврилову, директору «Сбербанка» по проектам в области энергосбережения и природопользования.

Гаврилов Всеволод Валерьянович, директор Сбербанка по проектам в области энергосбережения и природопользования:

- Уважаемые члены Союза. Уважаемые члены Правления. Во-первых, спасибо за приглашение.

Александр Шохин: – Я хотел сказать, что господин Гаврилов в Министерстве экономического развития до этого работал. Занимался тем же самым.

Всеволод Гаврилов: – Да. Герман Оскарович, наш президент, принял решение о проактивной позиции нашего банка в вопросе энергосбережения. Поэтому я оказался в банке. Сейчас как раз хочу внести свой вклад в то обсуждение, которое уже здесь состоялось.

На самом деле, и Вагит Юсуфович, и Михаил Юрьевич уже многие вещи сказали. Поэтому я постараюсь уложиться в регламент, о котором попросил ведущий. Пожалуйста, первый слайд.

Когда закон был принят, мы, естественно, сразу оценили, какой рынок спроса на инвестиционные ресурсы он собой порождает. По нашей оценке, достаточно консервативной, это не менее 3,5 триллионов рублей в период до 2015-го года. Понятно, что около двух триллионов рублей – это будут долговые инструменты. Из которых основная часть, конечно, будет кредитными ресурсами.

Поэтому рынок возникает. Глубина и емкость этого рынка сейчас корректируется в зависимости от готовности принимающей компании реализовывать мероприятия и в зависимости от воздействия государства на данные процессы.

Мы являемся участниками этого рынка. Мы хотим быть чемпионами этого рынка, конечно. С другой стороны, мы являемся компанией, которая на своей собственной шкуре тоже применяет методы энергосбережения.

Мы для себя условно выделяем три категории проектов. Мы их условно окрестили: «оптимизация», «интенсификация», «модернизация». Каждое из этих проектных решений имеет свои характерные признаки, которые обособляют его от других решений. Работает на разных временных коридорах. Соответственно, требует различного уровня технологических решений.

Очень много проблем можно решить через просто пресечение энергорасточительства. Через определенные оптимизационные процессы. Как в корпоративном управлении, так и в обеспечении работы технологического оборудования.

Основной финансовый инструмент, который здесь может быть использован (Михаил Юрьевич только коснулся, я сейчас разовью эту тему) – «перфоманс-контракт» (*performance-контракт*), энергосервисный контракт.

Если вы хотите чуть-чуть более глубоко, например, осуществить модульную замену технологического энергопотребляющего оборудования, на энергоэффективные аналоги, не меняя архитектуры – мы это условно относим к среднесрочным проектам.

Такой проект позволяет выбрать до 50% потенциала энергосбережения. Финансирование таких проектов – более сложная задача. Как правило, без системы хорошо структурированного проектного финансирования вряд ли удастся такие проекты реализовать.

Третье. Модернизация, в том числе иногда с какими-то венчурными элементами. В том случае, когда инвестор берет на себя риск замены вплоть даже до архитектуры энергетического решения, переходит на какие-то принципиально новые технологии.

В этом случае, как правило, мы с этим инвестором сильно думаем, нужно ли это делать. При условии, что он должен понять источник целевых субсидий. На уровне проектного финансирования такие проекты сейчас идут достаточно тяжело. Целевые субсидии могут быть за счет дивидендной политики предприятия. В случае, если этот проект имеет очевидный публичный эффект, то обращаться за этой субсидией нужно к государству.

Мы, конечно, являемся условным энергопотребителем. Но мы на себе протестировали все три типа проектов. Многие из вас знают, что мы реализуем практику бережливого производства, так называемые *lean-технологии*. Это ежедневная оптимизация деятельности процессов работы

банка. Она дает, в том числе, достаточно ощутимый эффект по энергосбережению.

Прежде всего, это проводится через механизм обучения персонала. Мы сами не ожидали, что мы получим достаточно внятный, ощутимый эффект. Очень горды тем, что можем его продемонстрировать сейчас.

По интенсификации. Мы проводим работы по модернизации наших офисов по модернизации энергообеспечения. Это среднесрочная инвестиционная программа нашего банка. Мы себя чувствуем достаточно комфортно. Поскольку понимаем, что в существенной мере эти программы будут окуплены на уровне внутреннего баланса нашей организации в коридоре до 5 лет.

Мы думаем об офисе будущего. Многие из вас уже были, видели его. Мы создаем единую систему back-офисов, новый тип компьютерной системы. Это инвестиции будущего. Да, сейчас трудно говорить об окупаемости. Но мы понимаем, что нам придется жить в конкурентной борьбе через 15-20 лет. Даже существенно раньше. Мы об этом тоже думаем.

Последний слайд. Я позволил его привести уважаемому собранию. Мы активно работаем с нашими компаниями. Мы пытаемся предложить им максимальный сервис, комплексный сервис по реализации их корпоративной программы энергосбережения.

Я бы сейчас не стал говорить, что все настолько плохо. Позволил бы себе выделить несколько основных факторов, которые, с нашей точки зрения, являются важными.

Мы работаем и с крупным корпоратом, и средним корпоратом на региональном уровне. Почти все корпорации:

- 1) Понимают свой потенциал энергосбережения. На каком-то уровне энергоаудит, энергооценка проведена.
- 2) Почти все руководители через решение акционеров, совет директоров уже приняли в том или ином виде программу по повышению энергоэффективности, энергосбережения.

То есть программно-целевой подход и взгляд на процессы, в общем-то, сейчас, по нашему мнению, является уже почти повсеместной практикой.

Вопрос о применяемых инструментах. Что корпоративная программа, корпоративный менеджмент сегодня видит как инструменты? Какие инструменты он сегодня не видит до конца?

Базовый инструмент реализации программ – традиционный обычный договор подряда. Бюджет корпорации, бюджет компании, бюджет регулируемой организации, конкурс, организация заказа. Все.

Хорошо, что он есть. Но, уважаемые коллеги, лучшие практики свидетельствуют о том, что базовым инструментом являются инструменты использования позитивного денежного потока и экономия затрат.

Михаил Юрьевич правильно сказал – мы сейчас только начинаем видеть эти инструменты. Начинаем видеть эти процессы. Они практически не применяются в компаниях. А это инструмент очень серьезный и очень важный.

Мотивация персонала к ежедневной работе. Дает эффект экономии до 15%. Очень многие наши клиенты обращаются к нам (и не только наши клиенты) с предложениями организации контактов с компетентами. Мы с удовольствием всегда идем навстречу.

Вагит Юсуфович и Михаил Юрьевич говорили о доступе к современным технологиям. Коллеги, очень часто мы сталкиваемся, хотя мы не являемся профессиональным участником рынка технологий, с ситуацией, когда действительно корпоративные технологи не в полной мере представляют технологические возможности.

Есть специальные исследования, проведенные **«Беккер и Маккензи» (Beker & McKenzie)**, и другими (**EBRD**, например), которые говорят, что «вы иногда не видите до 30-40% потенциала энергосбережения. Значит, не видите позитивного денежного потока».

Бизнес-среда развита плохо. Комплексных решений на рынке предлагается мало. Но я не буду повторяться. Все это есть в проекте доклада, который подготовлен Вагитом Юсуфовичем и изложен достаточно подробно.

Очень многие корпоративные программы на сегодняшний день ориентированы по принципу «Мы дали поручение энергетике оптимизировать самому себя. Как-то там что-то получилось». Реальный эффект получается на стыке с другими эффектами. Производительности труда в компании, возможности изменения ассортиментного выпуска

продукции, возможности конкурентоспособности продукции, сопряженные эффекты корпоративные финансисты считают редко. Как правило, относятся к программе энергосбережения как к самодостаточной программе.

В итоге мы имеем: упущенную выгоду для компании. Мы имеем откровенную ситуацию дезориентации акционеров. Они ожидают получить эффект, но этого эффекта не видят. В конечном счете, это может привести к неприятным последствиям, к дискредитации идеи.

Нам кажется, как участникам рынка, что, конечно, надо, и можно, и нужно ждать дополнительных регулирующих воздействий со стороны государства. Но существенный, значительный потенциал мы с вами можем выбрать на основе рыночных решений.

Чемпионом на этом рынке, победителем этого рынка будет тот, кто предложит участникам рынка комплексное решение. Объединение технологического решения, организационного решения и финансового. Эти люди будут чемпионами. Они разовьют тот самый бизнес и будут являться центрами самоорганизации бизнес-среды, об отсутствии которых на сегодняшний день договорились.

Поэтому я призываю сейчас. Безусловно, можно достаточно много ожидать от регулирующих воздействий. Но давайте мы пока возьмем и реализуем те процессы, которые мы можем сделать сегодня.

Эти выводы, которые я сказал, в существенной мере относятся и к региональным программам энергосбережения. Мы сейчас активно консультируем губернаторский корпус. Пытаемся найти для них комплексные финансовые и технологические решения.

Мы хотим войти в бюджетный процесс 2011-го года уже с более современной, серьезной, комплексной компетенцией. Чтобы максимально реализовать те выгоды, которые нам дает закон. Спасибо.

Александр Шохин: – Спасибо, Всеволод Валерьянович. Я так понимаю, что комплексные решения компании-члены РСПП могут реализовать при активном финансовом, кредитном содействии «Сбербанка России». Правильно я понимаю?

Всеволод Гаврилов: – Конечно.

Александр Шохин: – Так что, коллеги, имейте это в виду.

Александр Шохин: – Мы придем к вам. Но вы будьте конкуренты и с точки зрения условий кредитования этих проектов. Тогда это будет взаимный интерес. Конкурентный бизнес с конкурентным «Сбербанком».

Коллеги, мы выходим несколько из нашего графика. Я просил бы следующих выступающих придерживаться регламента. Хотел бы дать слово директору эколого-энергетического рейтингового агентства «Интерфакс» Александру Сергеевичу Мартынову. Мы хотели бы оценить, насколько работа по рейтингованию оценки энергоэффективности может вестись при участии РСПП. Оцените эту возможность, коротко рассказав о вашем проекте.

Мартынов Сергей Александрович, директор эколого-энергетического рейтингового агентства «Интерфакс»:

- Уважаемый Александр Николаевич, уважаемые члены Правления. Для быстрой модернизации экономики России нужна понятная система оценки фундаментальной эффективности производства. Ключевыми в этой системе являются параметры энергоэффективности.

«Интерфакс» представляет вам такую систему. Если мы спросим энергетика, то он как «Отче наш» скажет, что универсальным показателем энергоэффективности является коэффициент полезного действия. Все привыкли, что КПД – это характеристика конкретного котла, турбины, двигателя.

Но если предприятие или даже экономику целого региона рассматривать как автономную систему, то к ней тоже применимо понятие «коэффициент полезного действия», КПД. Его можно оценить через соотношение полезной продукции к количеству энергии, затраченной на ее производство.

Основную трудность в этом составляет главный измеритель экономики – деньги. При разнообразии номенклатуры продукции основной инструмент сравнений – деньги – очень сильно затрудняет анализ. Эти сравнения искажены инфляцией, природной рентой или налоговой нагрузкой.

В то же время, при сравнении динамики эффективности такой проблемы уже нет. Поскольку можно оперировать индексом физических изменений объемов производства. Дельта Π , дельта $\mathcal{E}$ - реальные физические величины. Ими можно оперировать как в экономике, так и в физике и в энергетике.

Если рассматривать модель коэффициента полезного действия через соотношение отрезков Π и $\mathcal{E}$, то возникает вопрос: что остается в той части,

которую можно обозначить буквой В. Это то, что не вошло в полезную продукцию и бесполезно рассеялось в окружающую среду.

Хорошо, если только бесполезно. Иногда очень даже вредно. Потому что это выбросы, отходы, стоки загрязненные. Мы сейчас из космоса наблюдаем, как эта «бесполезная продукция» расползается по Европе, по Дунаю.

С учетом этого остатка, общая модель производственной системы характеризуется всего тремя потоками. Это поток продукции, поток входящей энергии и поток отходов.

Если интегрировать все виды экологических воздействий - а с этим нет проблем, потому что они измеряются в физических величинах, в натуральных единицах - то отношение отходов к затраченной энергии будет отражать тоже эффективность. Точнее, неэффективность. Ее можно даже назвать по аналогии «КВД» - коэффициент вредного действия.

Таким образом, модель дает два индикатора. Экологическую эффективность и энергетическую эффективность. Если их объединить, то мы получим в динамике показатель изменения повышения эколого-энергетической эффективности экономики. Это буквально дословная цитата из названия известного Указа Президента от 4 июня 2008 года.

На этой картинке показано, где экономика регионов за последние 9 лет развивалась, производя продукцию и с меньшим «выхлопом», и с меньшими затратами энергии.

Но есть еще один индикатор. Соотношение потребленной энергии и всей совокупности воздействия на окружающую среду, в том числе, отходы. Это сугубо технологический индикатор, потому что в нем продукция не участвует. Он показывает, насколько дымит мотор экономики на каждый литр залитого в него бензина.

Динамика этих индикаторов (эффективности производства и технологической эффективности) обнаруживает принципиальное различие. Эффективность производства продукции в России росла. А технический комплекс медленно, но устойчиво ветшал. Здесь нет никакого противоречия.

Просто с опережением росла продукция, произведенная не техническим комплексом, а взятая из природы. Нефть, газ, лес, зерно, гидроэнергия. Такой потенциал, как ассимиляционная способность экосистемы водоемов, все эти

природные физические объекты во все больших количествах переводились в экономику. Превращались в товары.

Информационная группа «Интерфакс» разработала методику, пригодную для определения фундаментальной эффективности экономики. Она издана. Обложка здесь, на слайде.

(Слайд)

За 2008-й год эта методика апробирована для экономик всех субъектов Федерации. Сейчас практически все губернаторы уже представили сведения, необходимые для оценки за 2009-й год. В прошлом году по этой методике была выполнена оценка 600 предприятий России и Казахстана. 200 казахстанских предприятий участвовало в этом проекте. Сейчас «Интерфакс» начал сбор информации по более чем 3300 компаний и предприятий России.

Созданная система оценки фундаментальной эффективности производства позволит бизнесу подготовиться к резкому ужесточению норм, которое в ближайшее время будет введено российскими законодателями.

Мы сегодня уже слышали: «Нет программы – значит, штрафы». Процесс понятен. Чтобы грядущие нормы государственного регулирования превратить из ограничений в стимулы развития бизнеса, надо уже сейчас адаптировать мониторинг фундаментальной эффективности к рыночному использованию.

Мы фактически по этой системе оценки вплотную подходим к системе справочных эколого-энергетических цен и к новым финансовым механизмам. Полная оценка энергетического и экологического отягощения каждого рубля выручки у разных производителей даст и банкам, и инвесторам рычаги управления.

Но не только. Она даст им средство самооценки своего вклада в модернизацию реальной экономики. «Сбербанку» тогда не надо будет считать, сколько они лампочек заменили, еще что-то. Они могут посмотреть, насколько эффективно они инвестируют в экологически и энергетически эффективные предприятия.

Группа «Интерфакс» предлагает Правлению РСПП поддержать процесс создания новых информационных инструментов рынка. А членов РСПП – позитивно отнестись к тем запросам, которые «Интерфакс» на этой неделе направил в 80 крупнейших российских компаний.

Спасибо.

Александр Шохин: - Спасибо. Надеюсь, что все эти компании - члены РСПП.

Сергей Мартынов: - Да, все.

Александр Шохин: - Мы по своим каналам доведем вашу методологию до наших членских организаций. Посмотрим, как она в практическом (не только в информационном) плане будет полезна нашим компаниям в условиях достаточно жесткого давления со стороны норм закона и тех нормативных актов, которые принимаются и в развитии.

Коллеги, мы должны уже завершить обсуждение первого вопроса. Я предоставляю слово Алексею Анатольевичу Невскому, генеральному директору «Независимой энергосбытовой компании Краснодарского края». Дальше посоветуемся, как вести дискуссию по этому вопросу.

Алексей Анатольевич Невский, генеральный директор «Независимой энергосбытовой компании Краснодарского края»:

- Уважаемый Александр Николаевич, уважаемые коллеги! С учетом краткого времени, я постараюсь не повторяться. Сконцентрироваться на тех основных проблемах, которые мы видим с угла зрения региональной энергокомпании.

Группа компаний «НЭСК» занимается продажей и транспортировкой электроэнергии в коммунальных электросетях. Компания объединила муниципальную энергетику Кубани. Действует на территории Краснодарского края. Оборот компании составляет более 20 миллиардов рублей.

У нас сформировался определенный взгляд на те вопросы, которые возникают в связи с Законом «Об энергосбережении». Здесь хотелось бы сконцентрироваться на трех основных моментах. Это достаточно застарелые проблемы, которые были известны и до выхода законодательства в этой сфере. Я говорю о проблемах неплатежей, проблемах потерь электроэнергии, проблемах, связанных с хищением электроэнергии.

В первую очередь, необходимо ужесточение законодательства, направленного на борьбу с хищениями и неплатежами. Я просто поясню, что из-за этих вопросов возникает огромная дебиторская задолженность, проблема кредитования в банках, чтобы покрыть кассовые разрывы. Это ведет к недофинансированию. В том числе, и программ в области энергоэффективности.

Это ведет к неплатежам генерирующим компаниям, что порождает определенный мультипликативный эффект в смежных отраслях экономики. Что касается конкретных предложений, то я бы видел возможность внесения изменений в Закон «Об электроэнергетике», которые предусматривали бы авансовые платежи в размере среднемесячного договорного объема со стороны потребителей.

Касаясь изменений, позволяющих производить регистрацию перехода прав недвижимости: при сделках с недвижимостью потребителем должна предоставляться справка об уплате коммунальных платежей.

Также необходимо введение норм, позволяющих списание с расчетных счетов неплательщиков задолженности по коммунальным платежам за электроэнергию.

Этот комплекс вопросов существует в западных развитых экономически странах. Это влияет на то, что мы сегодня обсуждаем в области энергосбережения.

Проблема хищения электроэнергии. Не секрет, что недобросовестные потребители, пользуясь трудностями выявления и мягкостью санкций за бездоговорное и безучетное использование электроэнергии (по сути дела – воровство) наносят убытки энергокомпаниям. В целях снижения убытков, вызванных неучтенным потреблением электроэнергии, необходимо ужесточение гражданско-правовой и уголовной ответственности.

Предлагается включить в перечень уголовно наказуемых деяний действия, направленные на самовольное подключение к энергетическим сетям, внести изменение в порядок определения количества неучтенно потребленной электроэнергии, как это предусмотрено 530-м Постановлением Правительства. Необходимо рассчитывать стоимость безучетной

электроэнергии, исходя из максимально разрешенной мощности электроприемников потребителя, умноженной на 24 часа.

Такие нормы тоже существуют на Западе. Я в целом, говоря о подходах к энергосбережению, думаю, что нам не надо изобретать велосипед. Просто максимально учесть опыт экономически развитых стран, которые уже достаточно продвинулись в области энергосбережения. Перевезти этот опыт, адаптировать к российским условиям, и внедрять.

Важнейшей проблемой является вопрос потерь электроэнергии. Эта тема непосредственно влияет на энергосбережение. Она отражена в Законе «Об энергосбережении». Создание систем коммерческого учета электроэнергии – это тоже отражается в положениях закона. Но на практике не продумано до деталей.

То, что говорилось о работе управляющих компаний... Я бы тоже отметил, [что] необходима координация на уровне субъектов федерации всех программ в области учета электроэнергии. Должна быть единая техническая политика, координируемая со стороны субъекта.

Завершая (с учетом недостатка времени) свое выступление, я хочу еще привлечь внимание собравшихся к проблеме реактивной мощности. Это та проблема, которая хорошо известна энергетикам. Она решалась в советское время более или менее. Сейчас этой проблеме, к сожалению, практически не уделяется должного внимания.

Сама по себе реактивная мощность в определенном количестве необходима для работы электрических машин. Но передача ее по электрическим сетям (в том числе, по потребительским) значительно перегружает их. Как следствие: снижается срок эксплуатации оборудования, увеличивается аварийность, [происходят] потери активной электроэнергии.

Общепринятое техническое решение данного вопроса – выработка компенсации реактивной мощности в том месте, где она потребляется. Для этого необходимо применение автоматизированных компенсирующих установок. Это позволит резко снизить потери электроэнергии, системно по всей стране.

Это выгодно как энергокомпаниям, так и крупным предприятиям (да и не только крупным), потребителям. Для этого необходимо использование механизмов софинансирования, которые заложены в Законе «Об энергосбережении», но применительно к этому комплексу мероприятий недостаточно артикулированы.

Я думаю, что внесение изменений в законодательство, либо на уровне нормативно-правовых документов вопрос софинансирования совместно с потребителями и с энергокомпаниями программ снижения реактивной мощности – это одно из направлений, которое не надо забывать.

Все. Спасибо. Если есть вопросы, готов ответить.

Александр Шохин: - Алексей Анатольевич, у нас начинает функционировать (я еще не утвердил состав этой отраслевой комиссии) Комиссия по электроэнергетике. Вот сидит ее председатель, член Бюро Правления РСПП Григорий Викторович Березкин. Я думаю, что многие из идей, которые вы высказали, вполне могли бы быть там обсуждены и доведены до практического решения.

Коллеги, я хотел бы в завершении обсуждения этого вопроса спросить у присутствующих здесь: есть ли предложения, замечания по проекту решения? В частности, у рабочих органов, их руководителей, причастных к этой теме.

Это не только Комитет по энергоэффективности и энергетической политике. Не только Комиссия по электроэнергетике. Как мы уже видели, много смежных вопросов. Комитет по налогам и бюджету должен поработать. Комитет по техническому регулированию и оценке соответствия. Поэтому я бы считал, что мы решением Правления должны соответствующее поручение всем этим рабочим органам дать в контексте той дискуссии, которая у нас состоялась.

Валерий Федорович, не хотите сказать ничего? «Газпром» - «за». Это самое главное. Если нет замечаний и предложений по предложенному решению... Есть? Пожалуйста, Анатолий Васильевич.

Анатолий Васильевич Сысоев, член Правления РСПП, президент Ассоциации промышленников горно-металлургического комплекса России:

- Я думаю, что все вопросы были охвачены, но один самый серьезный вопрос как-то прошел мимо нашего внимания. Мы сегодня взяли и проверили более двух десятков малых и средних предприятий. Оказалось, что тот документ, который есть по Свердловской области (1010 страниц), конечно, до них не дошел. Многие вообще не обучены, как заниматься этим делом.

Мне кажется, что нужно решать проблему обучения именно начиная с малого и среднего бизнеса («крупняк» более или менее обходится). Я думаю, что в решении должно быть и создание обучающих центров с постоянно действующими выставками для продаж эффективного энергооборудования. Они должны быть выстроены.

Мы подготовим такие предложения. Мы хотели, чтобы этот вопрос отдельно рассмотрели на каких-то рабочих группах. В части именно повышения. Если мы не научим людей, то все эти документы будут лежать на полках. Спасибо.

Александр Шохин: - Я думаю, что нет возражений по включению соответствующего пункта в наше решение по обучению бизнеса и ответственных за эти вопросы менеджеров в контексте предложения Анатолия Васильевича Сысоева.

Если других предложений нет, предлагается принять этот проект постановления за основу. По сложившейся практике до конца недели мы собираем дополнительные предложения в письменном виде. Если они будут носить принципиальный характер, то утвердим их в качестве решения нашего Правления. Нет возражения против такой схемы работы? Спасибо.

Уважаемые коллеги, у нас есть второй пункт повестки дня. Может быть, мы погорячились, включая два важных вопроса в заседание Правления. Но мы встречаемся достаточно редко. Два с половиной раза в год в среднем. Поэтому и набегают вопросы.

Тема – об изменении уровня прямой и косвенной нагрузки на российский бизнес в посткризисный период представляется нам серьезной, важной темой для обсуждения именно сейчас. На сносках, что называется, целый ряд решений и Правительства, и принятия законов, от которых в немалой

степени зависит прямая и косвенная нагрузка на бизнес, которая вступит в действие со следующего года.

Наверное, это должно быть постоянным элементом нашей работы, в том числе, в рамках регулярного анализа делового климата в стране, который мы ежегодно готовим и представляем на Неделе российского бизнеса в качестве нашего видения бизнес-среды за отчетный период.

Компании отмечают, что скорость улучшения делового климата явно недостаточная для трансформации российской экономики из сырьевой в инновационную. При этом по многим параметрам делового климата наблюдается ухудшение ситуации.

Озабоченность бизнеса проблемами социально-экономического развития подтверждает и индекс деловой среды РСПП, который мы с весны этого года рассчитываем и обнародуем. Пользуясь случаем, хотел бы поблагодарить те региональные организации, отраслевые организации, компании, которые активно участвуют в работе по сбору необходимых материалов для этого индекса. Без этой поддержки, безусловно, мы не могли бы этот индекс считать репрезентативным.

Если говорить об отсутствии серьезных позитивных сдвигов в деловом климате, то я хотел бы отметить, что это не только мнение российских предпринимателей, но и иностранных инвесторов, которые были опрошены в рамках исследования «Анализ инвестиционного потенциала субъектов Российской Федерации и формирование рекомендаций и предложений, направленных на улучшение инвестиционного климата».

РСПП проводит его с Комитетом по международному сотрудничеству, Советом по международному сотрудничеству и инвестициям совместно с известной консалтинговой аудиторской компанией «KPMG». Мы, кстати, соответствующее решение по включению наших региональных организаций в этот анализ делового климата в регионах включили в сегодняшнее решение Правления.

Главное, о чем говорят компании (в том числе, и в рамках вышеупомянутого регионального инвестиционного исследования) – что в кризисный и в посткризисный период нагрузка на бизнес как минимум не снижается. Бизнес, безусловно, разделяет цели и задачи государства, направленные на

повышение конкурентоспособности экономики, социальную стабильность и так далее.

Мы понимаем, что для этого необходимы серьезные масштабные инвестиции в модернизацию социальной сферы, в социальные реформы, в инфраструктуру. С учетом того, что бизнес оценивает качество работы судебной системы, правоохранительных органов достаточно низко, без серьезных изменений в этих сферах не будет уверенности в завтрашнем дне. Вернее, будет уверенность в том, что коррупция и технология, основанная не на праве, а на понятиях, эту определенность будут если не устранять, то снижать.

Мы понимаем, что есть вопрос об источниках финансирования тех программ, которые намечены Правительством. Но мы считаем, что тактика формирования этих ресурсов, финансовых источников явно противоречит стратегическим задачам, которые государство перед собой ставит.

Предложения по (это частный пример – на мой взгляд, существенный) повышению эффективности бюджетных расходов постоянно обсуждаются, но практически никогда в практическую плоскость не переходят. Если не считать упомянутого здесь Сергеем Геннадьевичем Новиковым предложения на 20% сократить численность государственных служащих.

Я боюсь, как бы здесь не произошло то, что происходило в советское время, когда были планы по ежегодному пятипроцентному снижению госаппарата. В результате каждый год он вырастал на 10%. В одном месте сократим, в другом выползем.

Задача, видимо, должна ставиться о повышении эффективности реализации тех функций, которые закреплены за соответствующими федеральными органами исполнительной власти, за региональной властью, и так далее.

Когда проект по оценке уровня нагрузки еще только начинался, мы сформулировали несколько базовых гипотез, которые было необходимо подтвердить. Сразу скажу, что они все подтвердились в полном объеме нашими исследованиями.

Практически по всем видам нагрузки, как я уже говорил, наблюдается ее увеличение либо (в лучшем случае) сохранение на текущем уровне. Один

пример. В первом полугодии 2010 года (по сравнению с первым полугодием 2009 года) увеличилось на три тысячи количество рассмотренных арбитражными судами дел, связанных с применением налогового законодательства.

Конечно, хорошо, что компании идут в суд и выигрывают такие дела, но плохо то, что тратится время и деньги там, где исход очевиден. Мы знаем прекрасно, что не только по большинству дел компании выигрывают, а что и налоговые органы не рассчитывают на этот выигрыш. Судебная система часто является подстраховкой для чиновников, которые боятся принимать соответствующие решения, поскольку за ними стоит прокурор, отчетная палата.

Что касается финансового сектора, то, несмотря на явное улучшение ситуации (это подтверждает и индекс деловой среды, который я упоминал) для значительной части экономики заемные средства по-прежнему остаются недоступными.

Отдельный вопрос – это введение по разным направлениям системы обязательного страхования. Сфера его применения расширяется бурными темпами, но это во многом не гарантирует защиту интересов пострадавших. В то же время, нагрузка на бизнес явно растет при сохранении других технологий контроля бизнеса, контроля за соблюдением тех или иных нормативов.

Кстати, даже страховые компании не уверены в том, что их финансовые выигрыши от применения схем обязательного страхования ответственности могут оказаться теми, на которые они рассчитывают. Возникает риск резкого сжатия сектора добровольного страхования.

Одна из наиболее острых тем – это система социального страхования в связи с отменой ЕСН и перехода на самостоятельные платежи во внебюджетные социальные фонды. Здесь мы понимаем, что нужно иметь автономные источники формирования этих фондов, бездефицитности этих фондов.

С другой стороны, та технология, которая применяется (сначала повысим тарифы, а затем подумаем, как реформировать эти системы) – она и стратегически неверна, да и тактически не позволяет бизнесу принять

участие в реальном реформировании обязательного медицинского страхования, социального страхования, пенсионной системы.

В итоге мы наблюдаем реальный рост нагрузки на фонд оплаты труда. Он для отдельных предприятий в связи с долей фонда оплаты труда в совокупных издержках составляет до 70%. Льготы получает ограниченный круг компаний, да и то малые инновационные предприятия получают, как известно, эти льготы на некий переходный период.

Для многих этот переходный период явно означает необходимость постепенного сворачивания бизнеса и переноса его за территорию Российской Федерации. Даже на территорию Таможенного союза, имея в виду, что в той же Белоруссии и Казахстане соответствующие условия пока явно предпочтительнее.

Налоговая нагрузка растет не менее активно. Поступления в структуре налогов и иных обязательных платежей, которые администрируются ФНС, ФТС России уже выросли на 30% по сравнению с первым полугодием прошлого года. При этом мы помним, что ВВП рос в прошлом году заметно меньшими темпами, чем в нынешнем.

Что касается тех данных, которые мы имеем по конкретным компаниям (опрос в основном проводился силами Комитета по налоговой и бюджетной политике), то мы вынуждены констатировать, что рост нагрузки идет. Примерно у четверти опрошенных компаний соотношение между темпами роста налоговой нагрузки и выручкой было 2:1 и выше.

Тарифы естественных монополий. Традиционно сложный для бизнеса вопрос. В РСПП мы имеем разные группы бизнеса. В том числе и естественные монополии. Их руководители входят в состав Бюро, Правления РСПП. Есть и потребители услуг, поэтому мы считаем, что у нас может быть вполне сбалансированная позиция.

Но мы исходим из необходимого баланса между интересами инвестиционных программ естественных монополий, которые формируют инвестиционный рост, и ростом тарифов, который может оказаться сдерживающим фактором для восстановительного роста, и для модернизационного роста.

Здесь нужно находить золотую, как говорится, середину, баланс. Пока, к сожалению, не всегда он находится. В том числе и из-за того, что у нас нет долгосрочной стратегии повышения тарифов. Только в конце года [будет] окончательное решение по конкретным уровням тарифов, что не позволяет компаниям формировать финансовые, инвестиционные и иные планы.

Как минимум, здесь (как уже говорил господин Новиков) нужна стратегия и соблюдение траектории изменения тарифов на достаточно обозримую перспективу.

Администрирование. Мы тоже его рассматриваем как часть нагрузки на бизнес. Должны сказать о том, что часто сложные проблемы предлагается решать простыми путями. Как вы знаете, в последнее время (после известных аварий) вместо судебной технологии остановки производства законодательно предложена схема административного приостановления деятельности компании. Здесь скорость принятия решений повышается, но резко повышается и потенциальная коррупциогенность этих решений.

Мягко говоря, субъективизм в принятии решений, который для бизнеса может обернуться серьезными потерями. Есть и целый ряд других избыточных требований, которые приводят к избыточным расходам. Это и сложные процедуры согласования инвестиционных проектов, усложненная бухгалтерская отчетность, которая требует дополнительного персонала, и так далее.

В условиях увеличивающейся нагрузки на бизнес по разным направлениям (я не все назвал) просматривается стратегия на ее повышение в ближайшее время. Многие компании оказываются на развилке и вынуждены делать выбор. Играть, что называется «в белую» и тогда сталкиваться с растущей нагрузкой, которая может привести и к продаже бизнеса.

Продажа бизнеса в России – это продажа его государственным структурам, скорее всего. Или таким иностранным компаниям, которым в других местах некомфортно. Хотя трудно найти, на мой взгляд, транснациональные компании, которые, выбирая между Бразилией и Россией, будут по каким-то нефинансовым соображениям выбирать Россию, если в Бразилии более комфортно будет.

Очень важно сохранить конкурентоспособность и привлекательность российского рынка. В том числе, в рамках Таможенного союза. Сегодня в 16 часов мы проводим совещание под эгидой Комитета по торгово-таможенной политике с участием Министра экономического развития по последней версии Закона «О таможенном регулировании». Он, как известно, в развитии Таможенного кодекса, Таможенного союза должен сохранить национальную компетенцию по таможенным процедурам и многим правилам.

Мы считаем, что у нас есть все шансы сделать российскую таможенную систему неконкурентоспособной по сравнению с Белоруссией и Казахстаном. Бизнес будет обращаться к братьям нашим по Таможенному союзу, что не будет возбраняться. Явные потери будут для казны. Явный индикатор того, что административные процедурные технологии в таможенном оформлении (растаможке и так далее) в России не самые эффективные.

Пока дело дойдет до полной гармонизации, может уже и утечь бизнес. Мы не собираемся просто критиковать Правительство или законодателей за слишком высокий уровень нагрузки. Мы хотели бы предложить конструктивный подход. Озвучить предложения РСПП по снижению административной нагрузки и ряду компенсационных и стимулирующих мер в части финансовой нагрузки.

В презентации (слайды представлены) мы лишь некоторые наши предложения отразили. У вас есть развернутый материал в виде буклета. В нем в более развернутом виде приложены наши предложения.

Базовые направления – это сократить избыточное регулирование, передать полномочия бизнесу там, где это возможно. При этом сделать более жесткими и прозрачными, предсказуемыми процедуры принятия решений. Повысить ответственность чиновников за их соблюдение.

В этой связи необходимо минимизировать неопределенность правовых предписаний, произвольное толкование законов и нормативных актов. У нас есть процедура оценки нормативных и законодательных актов (проектов их) на коррупциогенность, но очень много остается и банковских норм, отсылочных норм, которые уже официально толкуются как потенциально коррупциогенные.

В последнее время ведется (по инициативе Правительства через Министерство экономического развития) работа по оценке регулирующего воздействия. Те нормативные акты, которые приходят на согласование в Минэкономразвития России и затрагивают интересы бизнеса, направляются в бизнес-объединения. У нас, условно говоря, месяц на формирование позиции в Министерстве есть. У нас окошко в несколько дней, чтобы сформулировать свою позицию.

Очень короткий промежуток времени. Но мы должны заранее знать, где какой нормативный акт готовится. Не на стадии финального согласования, а на стадии, может быть, его разработки в головном профильном ведомстве уже нужно приступать к его оценке, оценке регулирующего воздействия.

Мы ставили этот вопрос неоднократно перед Президентом РФ и Председателем Правительства: нам нужна формальная технология (по типу Казахстана) участия бизнеса в экспертизе законопроектов и проектов нормативных актов на всех стадиях и на всех уровнях.

Возражений против такой технологии нет. Текст можно переписать у Казахстана. Я думаю, это тоже было бы большим подспорьем для нас. Многие темы, которые мы, честно говоря, еще недавно не считали, что нам надо их рассматривать, оказались в центре внимания.

В частности, Закон «О полиции». Он не только не ориентирован на защиту интересов бизнеса, но содержит большое количество норм, которые создают условия легализации коррупционных отношений и необоснованного вмешательства полиции в деятельность компаний.

Кстати, многие вопросы такого же рода могут и в будущем возникать. Если вдруг возникнет тема консолидации трех высших судов в один, надо иметь в виду, что это может позволить решить проблемы разделения компетенций. Иногда высшие суды принимают такие решения пленумов и президиумов, которые противоречат друг другу. Это долгое время позволяет судам низшей инстанции принимать противоречивые решения по одним и тем же вопросам (или аналогичным вопросам).

Налоговая тема для нас остается темой номер один. Здесь мы не только смотрим на ставки акцизов, других налогов (тех же социальных платежей),

но и на администрирование в самом широком смысле, начиная от администрирования НДС (это традиционная для нас тема).

Расширение уведомительного принципа – по-прежнему наша задача. Есть и новые законы, над которыми мы вместе с Правительством давно работаем. Это консолидированная группа налогоплательщиков, трансфертное ценообразование. Важно, чтобы эти законы не привели к созданию громоздких механизмов налогового администрирования и контроля. Поэтому мы предлагаем (коллеги из Думы поддерживают, из Комитета по бюджету и налогам) схему: штрафные санкции не применять как минимум в течение двухлетнего переходного периода, пока не будет отработана технология оценки злоупотребления трансфертными ценами.

Что касается общих выводов, то они представлены на слайде. Мы не рассматриваем этот проект и те результаты, которые получили, как разовое мероприятие. Весной мы хотели бы провести дополнительное исследование по налоговой нагрузке с учетом окончательной версии тех законопроектов, которые будут приняты до конца года (некоторые до 1 декабря должны быть приняты по требованиям Налогового кодекса).

Мы еще должны вместе с вами подумать, какую методологию избрать. Надо ли нам совокупный индекс нагрузки на бизнес разрабатывать и методологию его определять. Или мы можем ограничиться тем, что там, где измеряемая нагрузка – ее мерить (в том числе налоговую нагрузку и социальную), там, где она трудно измеряется – проводить обследование и смотреть динамику. Позитивная она или негативная.

Не ставя неразрешимую задачу замерить то, что трудно улавливается и скорее является восприятием бизнесом той среды, в которой он работает как на федеральном, так и на региональном или отраслевом уровне.

Тот проект решения, который вам предложен, - это оценка реальной ситуации с нагрузкой на бизнес (прямой и косвенной) и предложение по технологии работы. Если я вас не зажег, то это сделает Андрей Михайлович Макаров, заместитель председателя Комитета Госдумы РФ по бюджету и налогам, член Правления ООО «РСПП». Пожалуйста.

Андрей Михайлович Макаров, *заместитель председателя Комитета Госдумы РФ по бюджету и налогам, член Правления ООО «РСПП»:*

- Спасибо огромное, Александр Николаевич. Вы знаете, первое, что хотелось бы сказать: я сегодня сюда пришел не выступать. Я вообще выступать не должен был. Должен был прийти Сергей Дмитриевич Шаталов и рассказать вам, как вы будете жить. Я, естественно, этого сделать не могу. И вообще, я пришел сюда заплатить взносы. Поскольку вместо того, чтобы заплатить взносы, мне предложили выступить, я считаю, что налоговая нагрузка на меня снизилась.

Строго говоря, она снизилась на весь бизнес, потому что ЕСН, в конечном итоге, отменили. Никто не может сегодня сказать, что налоговая нагрузка повысилась. Она снизилась. С этим выводом Александра Николаевича я не согласен. Это первое. Подводя итог первой части своего выступления... Он будет предельно кратким. Второй будет еще короче. Я считаю, что так хорошо, как сейчас, не было никогда. Но завтра будет еще лучше.

С этим тезисом я перехожу ко второй части своего выступления. К сожалению, вынужден согласиться с тем анализом, который сделал Александр Николаевич. Неприятно, но приходится. Хотя не зажег, если честно.

Проблема в другом. Мы все время надеемся, что мы что-то изменим принимаемыми законами. Сейчас Александр Николаевич сказал: «Мы посмотрим, что будет после того, как мы примем законы, которые сейчас пойдут». Кстати, отсюда я пойду докладывать как раз на Комитете по бюджету Консолидированной группы налогоплательщиков. В первом чтении мы будем его принимать на следующей неделе.

Десять компьютерных страниц замечаний по законопроекту, это понятно. Мы его примем, будем дорабатывать по возможности. Все равно мы все понимаем, что страна не живет по законам. Она живет по сигналам. Вопрос не в том, какие законы мы примем, а какие сигналы получим. Даже не столько мы, сколько те, с кем мы работаем.

В связи с этим мне бы хотелось проанализировать эти законы не с точки зрения их содержания. Я сделаю буквально несколько замечаний в течение нескольких минут. С точки зрения того, какие сигналы они несут.

Александр Николаевич закончил на Законе «О полиции». Я с него и начну. Скажу буквально два слова. Обратите внимание: все те законы, которые мы приняли, с точки зрения исключения полиции из экономики... Те самые полномочия милиции, которые были в действующем законе. Наиболее

коррупционнoемкие: входить, делать все, что хочешь, останавливать и так далее. Это же сегодня законами исключено. В проекте Закона «О полиции» все вернулось.

На мой взгляд, вот сигнал, который будет дан – останется ли это в том проекте, который будет внесен в Государственную Думу или не останется – гораздо важнее, чем все, что мы будем говорить. Дальше мы можем говорить о том, что надо оградить бизнес от вмешательства. Если это остается в законе, это сигнал, дальше которого все разговоры об инвестиционном климате просто теряют смысл. Это один вопрос.

Второй вопрос – это то, что сейчас абсолютно ясно. Это проблема единого социального налога и страховых платежей. Те цифры, которые прозвучали. Что, мы не говорили об этом год тому назад? Мы не говорили о том, когда это готовилось к принятию? Мы что, не говорили о том, что это произойдет? РСПП об этом не говорил? Говорил. Это принято.

Мы с вами получаем сигналы. Это «Закон о медицинском страховании граждан в Российской Федерации». Это то, что теперь бизнес оплатит уже не два дня по больничному. Я беру минимум: а третий день по больничному? Это сигнал. Третий день по больничному – это сигнал. Вы вспомните, когда были два дня отданы бизнесу для оплаты? Когда резко снизилась ставка ЕСН, когда мы ее минимизировали. За счет этого два дня бизнес принимал на себя.

Теперь мы вернули, по существу, эту ставку. Правда, не налоговые, а страховые платежи. Даже увеличили ее. Теперь мы говорим: «Нет, не два дня, а третий день [тоже] будем оплачивать». Какая аргументация? В Фонде соцстраха не хватает денег. Сигнал один: бизнес должен оплатить дефицит бюджета.

Будет дефицит федерального бюджета, региональных бюджетов, местных бюджетов. На самом деле, это сигнал властям всех уровней. Если мы оплачиваем бюджеты, придет любой руководитель муниципалитета и скажет: «Ты платишь там, но живешь ты здесь». Если крупный еще выживет, то малый не выживет. Это следующий вопрос.

Сейчас у нас идут два основополагающих закона. Это трансфертное ценообразование и консолидированные группы налогоплательщиков. РСПП настаивал, мы поддержали. На самом деле, единственное, чего нам удалось добиться – что они, по крайней мере, рассматриваются вместе. Вы помните,

как нам предлагалось: «Давайте мы примем сначала трансфертное, а потом, когда все подготовим, консолидированные группы».

Почему мы хотели вместе? На самом деле, консолидированная группа – это «морковка», которая предлагалась взамен трансфертного ценообразования. Сразу хочу сказать, я не буду обсуждать вопрос, кому предлагают «морковку» и для чего предлагают «морковку». Это уже имеет отношение к зоологии, а не к бизнесу.

Как быть? Нам говорили: если ты создал консолидированную группу, то трансфертные цены на тебя не распространяются. Это была «морковка». Теперь мы смотрим законы. Мы добились, что они вместе. Мы видим, что на самом деле консолидированная группа вовсе не исключает трансфертного ценообразования. Произошла совершенно очевидная вещь. Александр Николаевич это показывал на слайде. Это правда. «Морковки» нет.

Кстати, до того, как внесли этот законопроект в Думу, у нас была одна, насколько я понимаю, компания, которая собиралась создавать консолидированную группу. После того, как внесли, ни одной не осталось. По крайней мере, прозрение настало, что этой «морковки» нет.

Давайте посмотрим на другие «морковки», которые нам предлагались. Соглашение с налоговыми органами о том, каким образом мы будем подходить к ценам. Выясняется, что механизм соглашения не работает. Причем, он не работает в правительственном варианте. Когда мы сидели с представителями компаний и пытались прописать, выяснилось: в системе нашего законодательства такое сообщение прописать практически невозможно.

Да, безусловно, есть свобода договора. Мы не можем заставить Налоговую подписать договор. Хотя отношение с Налоговой – это не гражданско-правовые отношения. Более того, даже реально обжаловать действия Налоговой, которая посылает вас с вашим проектом соглашения, мы не можем. Механизм соглашения не существует.

Следующий вопрос, который здесь же возникает. Я повторяю: я сейчас говорю только о «морковках». Я не говорю о качестве законодательства.

Александр Шохин: - Для бизнеса лучше о капусте говорить.

Андрей Макаров: - Понимаете, в чем дело... Осел идет за морковкой. Капусту ему не предлагают. Хотя, если вы настаиваете, я могу сменить овощ.

Осел от этого не меняется. От перемены мест слагаемых сумма меняться не будет.

У нас выясняется, что соглашения нет.

Следующий вопрос. Мы говорим об НДС. Важнейшая тема – администрирование. Я действительно считаю, что администрирование – это не повод для торговли. Администрирование вообще не может рассматриваться как «морковка». Улучшение администрирования нужно не только бизнесу. Оно нужно в первую очередь государству, чтобы те деньги, которые должны поступать в бюджет, не оседали в кармане того, кто должен осуществлять это административное регулирование. Это не «морковка» бизнесу. Это: «Ребята, отрегулируйте, чтобы вам не приходилось грабить бизнес. Чтобы денег, которые он платит законно, вам хватало на детские садики, строительство которых вы хотите возложить на тот же самый бизнес».

Дальше у нас возникает другая проблема. Все предельно просто. НДС. Понятно, что надо понижать пороги. Мы говорили о том, что понимаем порядок, посмотрим, как работает, будем опускать порог. Но давайте посмотрим все-таки, что такое НДС. Не можем мы решать частные вопросы НДС один за другим. Мы перешиваем пуговицы.

Если мы берем НДС в том виде, в котором он сегодня существует... Для того, чтобы осуществить проверку всего по году, Налоговая должна в год проверить чуть больше 50 миллиардов документов. Я говорю число, которое посчитала сама Налоговая. Мы можем делать все, что угодно. Налоговая не может проверить 50 миллиардов документов. Мы можем улучшать. Сейчас готовится предложение – не 50 миллиардов будет, а 20. Какая разница? Если счет идет на миллиарды документов, совершенно очевидно, что эта проверка всегда будет коррупционной независимо от органа, который будет это делать. Независимо от того, какие задачи будут. Всегда будет выборка. Выборка будет осуществляться [\[по принципу\]](#): «Ты мне не нравишься».

Теперь нам мало НДС. Мы говорим: «Ребята, сейчас еще будет трансфертное ценообразование». Раньше мы грузили документы вагонами. Теперь будем грузить эшелонами. Мы говорим, что не только внешние сделки, но и внутренние. Все понимаем, все сказали, это договоренность с Правительством. Ясно, что никакая районная, городская Налоговая не может осуществить этот контроль. Создается суперпрофессиональное подразделение непосредственно в рамках ФНС. Сколько человек там будет –

никто не знает. Я не знаю, сколько у нас можно найти суперпрофессионалов в этой сфере.

Александр Шохин: - Вы их предлагаете собрать с рынков, платить им бешеные деньги и называть «Налоговым ОМОНОм».

Андрей Макаров: - Если, действительно, бешеные деньги, я знаю пожилого адвоката, который любые деньги примет с благодарностью. Маленькие деньги с большой благодарностью, а бешеные деньги, о которых Вы говорите, с огромной благодарностью.

Проблема в другом. Проблема в том, что мы физически не можем это проконтролировать. Физически! Так зачем сегодня мы делаем вид, что мы это контролируем? Зачем мы заставляем потратить огромные бабки на совершенно бессмысленные попытки что-то создать, понимая, что это никому не нужно?

Я понимаю, что мы с РСПП в данном случае совпадаем в позициях. Наше предложение: надо сосредоточиться (если мы говорим о трансфертном ценообразовании) в первую очередь на внешних сделках. Там, где деньги уходят из страны. Разговор о том, что нам нужен внутренний контроль, чтобы не было перетока денег из региона в регион... Да остановите вы переезд из Омска в Санкт-Петербург! Я понимаю, что в Санкт-Петербурге и климат лучше, чем в Омске. Я имею в виду, инвестиционный, естественно. Простите, эти проблемы гораздо проще решать именно административно, чем на уровне такого законодательства.

Наконец, последнее. Александр Николаевич! Я, как самый независимый депутат, от которого ничего не зависит, поддерживаю вас особенно сильно. Вопрос ведь в чем... Еще одна «морковка» - давайте мы определимся, эта «морковка» хотя бы реальна? Тогда за ней идти имеет смысл. Хорошо, «капуста» реальна?

Нам говорят: «Давайте мы на два года освободим от штрафных санкций». Я «за». Только это неработающая норма, ее невозможно прописать. Тот, кто напишет эту норму... Как можно, вводя механизм трансфертного ценообразования, написать, что мы на два года освобождаем от санкции за нарушения по трансфертному ценообразованию? Человек получит Нобелевскую премию по экономике. Заодно еще и Премию мира.

Александр Шохин: - Это не так сложно. Вот Премию мира сложнее будет получить.

Андрей Макаров: - Я еще раз говорю: экономика, Премия мира – вместе, две премии получит. Это невозможно. Не может государство ни при каких вариантах выдать индульгенцию, что я буду два года творить в трансфертном ценообразовании все, что угодно. Лозунг мы можем написать любой. Он работать не будет. Я «за». Я подчеркиваю: я – «за». К сожалению, это невозможно. В результате мы оказываемся наедине с законом. Без «морковок», но с совершенно очевидным серьезным увеличением расходов на администрирование.

Мне кажется, что та работа, которую мы ведем вместе с вами и с Правительством, все-таки должна быть направлена на то... Еще раз говорю, я не готов сегодня говорить о победе здравого смысла. Мне много лет. Я только в детстве любил ненаучную фантастику. Знаете, в авиации есть такое понятие: “point of no return”, «точка невозврата». На самом деле, очень опасно как пройти точку невозврата, приняв неправильное решение, так и пройти ее, не приняв никакого решения. И в том, и в другом случае дальше катастрофа.

Я никого не хочу пугать. Тем более что сейчас утро. Еще целый день впереди, всем работать. Но мне бы очень хотелось передать ощущение, что мы к этой точке подошли. Судя по тому анализу, который делал РСПП, у нас здесь нет никаких расхождений. Все мы: и РСПП, и малый бизнес, и граждане, и власть – все мы едем вот в этом самолете. Эта точка невозврата наступает для всех.

Спасибо огромное. Естественно, независимые депутаты вас всегда поддержат.

(Аплодисменты)

Александр Шохин: - Спасибо, Андрей Михайлович. Я напомню, пока Вы идете на выход, о том, что предложение ограничить «Закон о трансфертном ценообразовании»... Нет, вам не надо к микрофону. Иначе мы не завершим.

Андрей Макаров: - Я просто хотел спросить. Я отработал взносы? Меня только это интересует.

Александр Шохин: - Взносы вы отработали, но бартера никакого не будет. Заплатите, мы вернем в другой форме. Премируем вас.

(Смех в зале)

Александр Шохин: - «Закон о трансфертном ценообразовании» мы с самого начала предложили еще два-три года назад нынешнему (вернее, вчерашнему) юбиляру, Алексею Леонидовичу Кудрину, ограничить трансграничными сделками. В том числе, чтобы отработать технологию, методики – шесть способов расчета трансфертных цен и так далее. Мы продолжаем на этом настаивать.

Во-первых, по трансграничным сделкам проще наладить технологию контроля. Во-вторых, там можно и соглашения налогоплательщиков с налоговыми органами делать, и мораторий на санкции ввести. Количество таких сделок ограничено. Нам важно, чтобы налоговая база не утекала из страны. А как она будет распределяться потом между субъектами федерации – это вопрос решаемый. В том числе, не надо поощрять регистрацию крупных компаний в тех городах, где они реального бизнеса не ведут. В том числе, по причинам политическим. Здесь Правительство и власть могут другими способами решить эту задачу.

Коллеги... Сергей Викторович, куда у нас все-таки Станислав Сергеевич делся? К руководству? Руководство в лице министра его отпустило на наше мероприятие. Значит, выше пошел? Вот как растут люди. А еще несколько лет назад Станислав Сергеевич Воскресенский работал экспертом бюджетного Комитета РСПП.

У нас есть два директора Департамента Министерства экономического развития в этом зале. Я затронул тему оценки регулирующего воздействия. Хотел бы дать слово Алексею Игоревичу Херсонцеву, который возглавил недавно созданный Департамент, который так и называется: «Оценка регулирующего воздействия». Алексей Игоревич, почему Министерство все-таки не пошло на то, чтобы бизнес сначала согласовывал свои позиции между собой и согласилось с мнением, что все крупные организации бизнеса самостоятельно представляют вам свои точки зрения, а вы уже формируете из них ту, которая вам кажется более приемлемой?

Алексей Игоревич Херсонцев: - Я хотел бы отметить, что нам важно получать широкий спектр обратной связи. Мы находимся на позиции: если бизнес сам договорится, что должен быть один канал – мы готовы получать связь по одному каналу. Поскольку мы понимаем, что пока такого единого решения не было принято, мы обращаемся к четырем организациям за позицией: к РСПП, к ТПП, к «Опоре России» и к «Деловой России».

Я думаю, что смысл моего выступления должен быть как раз не столько в том, чтобы рассказать о технологии оценки регулирующего воздействия, сколько в том, чтобы призвать коллег более активно встроиться в работу по обратной связи. Я бы хотел подробно остановиться на единственном слайде, чтобы рассказать, по поводу каких документов ведется работа в Минэкономразвития России, которая называется «оценка регулирующего воздействия». Очень важно, что оценка регулирующего воздействия затрагивает те проекты актов, процессы разработки которых, как правило, меньше всего являются публичными.

В первую очередь, речь идет о проектах актов, которые вправе принимать сами ведомства. Это очень важно. Эта работа набирает обороты. В последнее время Минюст России отказывает в регистрации ведомственных нормативно-правовых актов, если разработчик не представил заключение об оценке регулирующего воздействия. Мы с Минюстом в последнее время постоянно в контакте. Вопросов возникает много, поскольку институт новый.

Разработка второй категории актов обычно более публична. Это проекты актов Правительства, проекты актов Президента РФ, проекты федеральных законов, если они вносятся в Правительство Российской Федерации федеральными органами исполнительной власти.

Самый частый вопрос состоит в том, какова предметная область оценки? Посвященные чему акты мы оцениваем? Когда принималось решение о введении этого института, решили все-таки начать с малого. С некоторой довольно ограниченной сферы. В то же время, уже сейчас поток этих актов очень большой. Мы за два месяца работы рассмотрели порядка 50 документов, которые были подготовлены другими ведомствами.

Это документы (они перечислены на слайде), касающиеся Госконтроля, Госнадзора, а также вопросов, связанных с предъявлением обязательных требований к продукции либо к порядку осуществления деятельности. В том числе, оценка соответствия, безопасность процессов производства и так далее. Ведомства, безусловно, пытаются трактовать этот перечень как технические регламенты. Мы его трактуем все-таки более широко. Речь идет не о технических регламентах. Спектр документов, которые попадают к нам на оценку, весьма широк. Мы просим, в том числе и бизнес, подключиться.

Я бы хотел пропустить процедуры. Хотел вкратце показать, что оценка регулирующего воздействия в нашем исполнении – это попытка ответить на те вопросы, которые задавались в предыдущем выступлении. А именно:

может ли предлагаемое регулирование в принципе решать те проблемы, о которых заявляет регулятор? Взвешены ли издержки, в том числе и государства, на реализацию предполагаемого регулирования и реальные выгоды, которые можно получить?

Именно в этом вопросе нам очень важно понимать позицию бизнеса. Мы бы даже сказали, что мы сейчас, проводя эту оценку... Безусловно, ни один разработчик документа не рад тому, что его документ кто-то оценивает. В этом смысле понятно, что пока диалога с разработчиками не наблюдается. Особенно, когда речь идет о случаях, когда мы выступаем с отрицательной оценкой. В этом случае нам бы хотелось, чтобы информация от бизнеса, оценка бизнесом этих документов до нас реально доходила. Чтобы это были не столько экспертные оценки, не столько теоретическая позиция, сколько оценки реально работающих организаций. Оценки «с земли» тех вопросов, о которых идет речь.

Мы бы хотели, чтобы бизнес все-таки разделял с нами ответственность за те позиции, когда мы препятствуем избыточному регулированию, избыточному введению новых барьеров. Ответственность за те заключения, которые мы представляем перед другими разработчиками.

Последний слайд показывает, что мы действительно серьезно настроены по поводу получения позиции во время проведения оценки регулирующего воздействия. У нас в августе был принят приказ о порядке подготовки заключения об оценке регулирующего воздействия. Он зарегистрирован в Минюсте. Там есть специальная позиция о том, что в случае, когда мы проводим углубленную оценку документа... Когда мы выявляем, что там, действительно, есть новые правовые предписания и с ними необходимо поработать в рамках оценки регулирующего воздействия, мы обязаны проводить публичные консультации.

Что это означает и в чем задача? Во-первых, мы для себя видим, что публичные консультации позволяют заинтересованным лицам, как минимум, ознакомиться с теми инициативами, которые разрабатываются на ведомственном уровне, и о которых, как правило, узнают из последней рассылки «Консультант Плюс: горячие новости законодательства». Мы хотели бы, чтобы это видели уже на стадии проектной работы.

Второе. Мы хотели бы от бизнеса видения, понимания тех реальных затрат, реальных издержек из различных отраслей. Мы размещаем у себя на сайте формализованные запросы. Там мы ставим вопросы: «что мы хотели бы?»

Какую хотели бы получить информацию?» Мы, действительно, рассматриваем любую информацию, любые комментарии по данному вопросу, поступившие от других лиц.

Второй канал – это прямая и обратная связь. Мы договорились, в том числе и с РСПП, о том, что каждая из четырех перечисленных организаций принимает внутренний регламент своей работы, связанный с тем, как организация будет собирать необходимую по тому или иному документу информацию от своих членов. Мы для себя видим: сейчас работа налаживается. Публичные консультации никогда не бывают двухдневными.

Александр Шохин: - Я не говорил: «два дня». Я сказал «несколько дней». Уточните, сколько все-таки?

Алексей Игоревич Херсонцев: - Мы стремимся к тому, чтобы этот срок, действительно, достигал двух недель. Во внутренних регламентах эти сроки прописываются. Единственное, не всегда мы можем позволить себе этот срок. По некоторым актам есть поручения Правительства, Президента РФ. Необходимо в более сжатые сроки их принимать. Но в целом мы такой срок стараемся выдерживать. В последнее время, когда к нам обращаются с просьбой побыстрее подготовить заключение об оценке регулирующего воздействия, мы, в частности, всегда говорим, что мы не можем пойти на сокращение сроков публичных консультаций. Нам нужна реальная связь.

Я бы хотел призвать коллег более интенсивно включиться в этот процесс. Пока что от РСПП пришло не так много заключений по тем документам, которые мы рассылали. В частности, есть документы, по которым мы видели: есть проблемы. Но нам не хватило собственных компетенций предъявить эти проблемы разработчику. А бизнес не показал, что для него эта тема проблемная и больная. Поэтому мы давали положительные заключения.

Кстати, результаты нашей работы будут вывешиваться на том же сайте Минэкономразвития. Заключения об оценке регулирующего воздействия будут вывешиваться по мере того, как они будут отправляться в федеральные органы исполнительной власти.

Александр Шохин: - Алексей Юрьевич, каково соотношение той работы, которая предусмотрена регламентом перечисленных организаций, с заключениями независимых экспертов, которые здесь обозначены. У вас свои базы данных по экспертам. Вы рассылаете их в зависимости от ваших представлений о том, кто является экспертом в этой области. То есть, по

бизнес-объединениям закрытый перечень и обязанность каждой организации принять регламент. Экспертов вы отобрали сами. Что они напишут, то и напишут. В зависимости от своей квалификации, идеологии, методологии и так далее. Это первый вопрос.

Второй вопрос. Как соотносится процедура, которую вы описали, с деятельностью Консультативного совета по оценке регулирующего воздействия? Совет будет рассматривать проекты нормативных актов? Тогда какова роль заключений, которые дают бизнес-объединения?

Алексей Игоревич Херсонцев: - Что касается отношений с внешними экспертами, с «независимыми» экспертами... У нас сейчас нет некоего закрытого перечня экспертов, про которых мы говорили бы, что доверяем только им. Мы полагаем, что его не будет никогда. Мы сейчас, наоборот, открыты.

Александр Шохин: - То есть, список бизнес-объединений закрытый, а эксперты могут любые привлекаться по новым вопросам... Вы просто смотрите по интернету, у кого есть статья или публикации на эту тему, и назначаете его экспертом. Или как отбираются эксперты?

Алексей Игоревич Херсонцев: - К нам сейчас идет большой поток обращений от отраслевых организаций, от конкретных компаний с просьбой, с выражением их желания тоже принять участие в этом процессе. Пока мы, отсматривая эти обращения, для себя принимаем решение: мы включаем в списки нашей рассылки наиболее крупные. Не всегда, кстати, требуются наиболее крупные. Особенно, когда речь идет о проблемах малого и среднего бизнеса.

Когда к нам приходят ответы, мы к нашему заключению об оценке регулирующего воздействия прилагаем справку о результатах публичных консультаций. В этой справке обязательно отражаются позиции Торгово-промышленной палаты, РСПП и «Деловой России». Параллельно мы смотрим позиции экспертов.

Очень часто риски, которые мы реально не видели изначально, проявляются за счет независимых экспертов. Они чаще всего связаны с конкретным бизнесом. Они их видят на себе. Дальше, анализируя эти риски, мы видим, что они действительно есть. Тогда мы прислушиваемся к позиции независимых экспертов тоже. Это по первому вопросу.

По второму вопросу. Консультативный совет по оценке регулирующего воздействия – действительно, такое предложение у нас готовится. Мы его обсуждали. В рамках того предложения, которое готовилось по Консультативному предложению, шла речь о том, что будут создаваться рабочие группы. В том числе, из представителей организаций РСПП, ТПП, ОПОРА России и «Деловая Россия». В рамках этой рабочей группы мы будем обсуждать отраслевые вопросы.

Здесь одна сложность, с которой мы столкнулись на практике. Мы сейчас не спешим институционализировать этот механизм. Сложность состоит в том, что документы к нам приходят практически нон-стоп. Каждый день один-два документа приходят на оценку регулирующего воздействия. Мы понимаем, что рабочую группу по результатам оценки каждый день собирать мы не сможем. Мы готовы еще обсуждать, как нам оптимизировать эту работу. Наверное, мы будем собирать рабочую группу по наиболее важным вопросам. Или когда разошлись мнения в противоположные стороны. Примерно так.

Мы понимаем: если мы будем звать достаточно занятых и высококвалифицированных экспертов каждый день к себе в гости, через два месяца к нам просто перестанут ходить, потому что есть еще другие дела.

Александр Шохин: - Спасибо. Если вопросов к Алексею Игоревичу нет, мы его отпустим. Да, можно. Олег Васильевич Куликов.

Олег Васильевич Куликов: - Я хотел уточнить. Почему эту работу не начинать в органах исполнительной власти? Почему оценку регулирующего воздействия можно проводить только в рамках вашего министерства? Почему органы сами не могут проводить работу, аналогичную вашей? Пускай разворачивают работу. Тогда и у нас будет больше времени для обсуждения.

Алексей Игоревич Херсонцев: - Я полностью согласен с тем, что, теоретически разрабатывая любой нормативно-правовой акт, разработчик должен проектировать реальность. Провести, в том числе, оценки последствий принятия документа. Если говорить конкретно об институте, который имеет такое название: «оценка регулирующего воздействия»... Если посмотреть на Запад, там для наиболее важных разработок действительно предусмотрена такая процедура именно на уровне разработчика. Ключевое отличие от простого проектирования состоит в том, что должны быть взяты несколько альтернатив регулирования. Каждая из них должна быть

посчитана. Лицу, принимающему политическое решение, должен быть предъявлен весь ассортимент, так сказать, чтобы он мог, грубо говоря, выбрать, исходя из произведенных оценок.

Александр Шохин: - Спасибо. То, что Министерство экономического развития ведет эту работу... Насколько я понимаю, майское постановление Правительства было на эту тему, и регламент, утвержденный в августе, - это реализация поручений Правительства.

Алексей Херсонцев: - Да.

Александр Шохин: - Но отметил бы, что (коллега Куликов поднял этот вопрос) если бы министерство (любое), иницилирующее ведомственный акт, направляемый на согласование в Минэкономразвития, в Минюст и так далее, обязано было дать то же заключение, согласуясь с мнением бизнес-сообщества, то не выходили бы нормативные акты, где бы мнение бизнеса не учитывалось. Тогда можно было бы сосредоточиться на том, какое это было мнение, почему оно не учтено. Чтобы уже на основании этих аргументов на уровне Минэкономразвития можно было бы провести еще один этап, еще одну стадию экспертизы.

А так у нас получается, что все зависит (как и раньше, кстати) от «доброй воли министра». Одно время была такая (признанная теперь порочной) практика на заседаниях Правительства. Любой министр, выходя с докладом, представляя проект нормативного, законодательного акта, в конце выступления добавлял: «С бизнесом (далее назвалась организация бизнеса – РСПП, ТПП) согласовано». Или «У бизнеса есть такие-то замечания».

Сейчас эта практика отсутствует. Вместо нее... Хотел сказать ОРВИ... Это что-то другое, по-моему... А у нас ОРВ просто еще... Вот, хотелось бы, чтобы «инфекция» была. Чтобы этим были «заражены» все ведомства. Вот этой технологией – обязательная оценка!

В свое время был Госсовет по технологической и экологической безопасности. Президент РФ дал поручению Министру природных ресурсов согласовывать с РСПП (учитывая, что у нас там своя позиция, которая была признана заслуживающей внимания и учета). Трутнев Юрий Петрович шлет все проекты документов, приглашает наших представителей в состав рабочей группы и так далее.

Я не уверен, что такая технология была бы внедрена, если бы не было практического поручения Президента.

Нам нужно, чтобы была институционализированная, формализованная, прописанная, может быть, даже в законе, обязанность министерств и ведомств – в обязательном порядке запрашивать мнение бизнеса.

Я уже ссылался в своем выступлении на ситуацию в Казахстане.

С 2006-го года действует закон, в соответствии с которым объединения бизнеса, способные доказать, что они представляют интересы более половины предпринимательского сообщества (отдельно – для бизнеса в целом и для малого), имеют право участвовать в экспертизе. А министерства, региональная и муниципальная власть обязаны отправлять им на экспертизу.

При условии, что эта экспертиза проводится по процедуре, которая соответствует требованиям закона.

Последний раз, когда мы (Бюро Правления РСПП) встречались с Владимиром Путиным – в мае месяце – был в очередной раз поставлен этот вопрос. Чтобы уже в контексте гармонизации законодательства в рамках единого экономического пространства... А мы к нему идем с опережением. Еще Таможенный союз не создан в полном объеме, а уже элементы ЕЭП у нас есть. Свидетельством этому является не только создание Департамента ЕЭП в Министерстве экономического развития, но и то, что техническое регулирование вышло из национальной компетенции и передано в компетенцию Комиссии Таможенного союза. Хотя к Таможенному союзу тех.регулирование не имеет никакого отношения. То есть, идем к этому.

По этому вопросу лучше «списать слова» у Казахстана.

Извините, то, что вы сейчас рассказали, меня смущает очень сильно. Четыре организации, регламент обязательный. После этого любым активистам, индивидуальным гражданам, экспертам, любым компаниям, лоббирующим свои корпоративные интересы, вы предоставляете право давать заключение на тот или иной нормативный акт.

Их нужно подталкивать к тому, чтобы они шли (путь выбирают, куда) в РСПП, в ОПОРУ, в ТПП – работали с коллегами, пытались найти компромисс. А не так, что они сразу выходят на уровень вашего департамента или того же Совета, который будет создан или министра и так далее. Неправильная это технология.

Если вы здесь ставите нам регламенты жесткие... Вот у нас регламент жесткий. У нас обязанность – готовить заключения на отраслевых комиссиях

и комитетах. Они имеют своих экспертов. Высокопоставленный представитель Комиссии в ранге заместителя отвечает за эту экспертизу. Он обязан знать мнение Комитета (Комиссии) или опросить его в оперативном режиме, чтобы это была *позиция* рабочего органа РСПП. После чего мы ее будем вывешивать на сайте, эту позицию. Какое-то время она остается в публичном доступе, после этого мы ее направляем в Министерство.

А, оказывается, вы работаете с другими напрямую! Какой интерес работать по этой сложной процедуре, согласовывать свои позиции еще с десятком других коллег, которые в этом бизнесе работают, и заинтересованы (или не заинтересованы) в принятии решения. Есть же упрощенная процедура прямого доступа к г-ну **Херсонцеву**, к г-же **Поповой**, к г-же **Набиуллиной** и так далее.

Нет никакого стимула, и процедуры, значит, никакой нет. Опять у вас будет оценка этого регулирующего воздействия со стороны бизнеса *субъективной*.

Вы проведете предложение. Но на чем будет базироваться окончательное решение – одобрить, отклонить и так далее? На средневзвешенном количестве положительных и отрицательных мнений или еще каким-то образом?

Так что, мы договорились с самого начала с вашим министром, что технологию будем выработать вместе. Давайте вместе и выработать. Иначе эта работа будет, извините, лишь «фиговым листком», прикрывающим то, что... С бизнесом «якобы» согласовывают, а все решения будут приниматься в субъективном режиме.

Я предлагаю в проект решения включить предложение такого рода.

Нет возражений?

Алексей Херсонцев: - Два слова позволите?

Александр Шохин: - У нас не дискуссия. У нас заседание Правления. Мы вас выслушали. Я свою позицию выразил. Если коллеги поддержат, включим в проект решения.

Спасибо.

(Аплодисменты).

Уважаемые коллеги. У нас еще несколько выступающих. Мы будем пытаться вести дискуссию энергично, но сжато. **Алексей Михайлович Окуньков**, *исполнительный директор отраслевого объединения работодателей Ассоциации промышленников горно-металлургического комплекса.*

Окуньков Алексей Михайлович: - Уважаемые коллеги. Наверное, по самой большой теме будет самое короткое выступление. Г-н Макаров упрекнул нас в завышенных ожиданиях от законотворчества. Хотя мы можем назвать, по крайней мере, два примера. Первый. Принятый в конце 1990-х – начале 2000-х годов Трудовой кодекс, который принимался крайне болезненно, крайне сложно, 300 поправок внесено в него было. Тем не менее, он сейчас действует, и мы не представляем уже, как жили без него. Второй пример - 125-й Закон «О страховании от несчастных случаев на производстве». За аналог было взято немецкое законодательство. Достаточно профессионально был разработан закон. Было профессиональное обеспечение. Мы по нему живем и сейчас.

На самом деле, тарифы, которые действуют у нас сейчас по данному страхованию – это соблюден реальный страховой принцип. Ну, со всеми оговорками в рамках Фонда социального страхования. Он работает и сейчас. Эти тарифы не меняются фактически с 2003 – 2004 года.

Принятие таких законов позволило нам (по крайней мере, в области социально-трудовых отношений) иметь определенную стабильность и относительно спокойную жизнь со всеми издержками, со всеми эксцессами.

Однако с 2008 года мы имеем ситуацию, когда начинается реформирование законодательства в области трудовых отношений. Была определенная проблема – нежелание заниматься вопросами охраны труда (если пользоваться терминологией – профессиональные риски). Но эта тема все равно заставляет нас ею заниматься. Хотим мы или нет. Из социальной она все больше и больше превращается в экономическую.

Я могу вам сказать, что с 2008 года уже пошло реформирование. Оно идет. Прежде всего, решаются вопросы предоставления тех или иных закрепленных Трудовым кодексом компенсаций за работу во вредных условиях труда – **192-я статья**.

Г-н Алекперов сожалел, что ряд постановлений Правительства не работает. Но я могу выразить искреннюю радость, что 870-е Постановление «О

порядке предоставления компенсаций» не работает. Честно говоря, большего удара по нашему бизнесу, по экономике сложно представить. Во всяком случае, по расчетам наших компаний, реализация его в том объеме, в котором было запланировано, должно было бы привести к увеличению численности трудящихся на 5-7%. То есть, вся работа за последние годы по сокращению, по оптимизации численности по росту производительности труда пошла бы насмарку.

Я должен выразить признательность, прежде всего, РСПП, а также руководителю и координатору стороны работодателей в трехсторонней комиссии.... На моей памяти это впервые: был отозван с регистрации из Минюста Приказ 173, который вводил порядок действия данного постановления.

Насколько все-таки вопрос не простой. Сейчас ведутся в Минздравсоцразвития довольно сложные и тяжелые переговоры. Будет, видимо, представлен определенный комплекс и пакет Приказов, который будет так или иначе минимизировать потери от реализации Постановления Правительства.

Второй наибольшей проблемой является, пожалуй, социальное страхование.

Об этом также упоминалось в презентации.

Я думаю, что здесь наибольшая беда в том, что наше государство патерналистское. Это записано и в Конституции нашей. Раз этот принцип провозглашен, нам надо придерживаться этого и этот принцип выполнять.

В рамках социального страхования у нас проблема в одном: социальные обязательства государства завышены. Никто никогда не проводил их ревизию. Сейчас «под флагом» освобождения социального страхования от несвойственных ему функций проводится работа. Но она ведется весьма своеобразно.

Фактически речь идет об одном. На последнем заседании российской трехсторонней комиссии заместитель министра, представляя ряд документов (в том числе бюджет фонда), говорил только об одном – о несбалансированности расходной и доходной частей.

Никто не планирует определиться: а что тот круг застрахованных, каким образом это будет?..

Результаты, предложения уже озвучены. Это и третий день оплаты больничного листа. Это и страхование людей самозанятых (если так можно выразиться). Кстати, это очень неясная и не обоснованная позиция Министерства. Потому что под эту категорию они относят ряд людей, которые имеют договоры гражданско-правового характера, но не учитывают целый ряд людей, которые работают сейчас все больше и больше [на фрилансе] в режиме самозанятости – ITшники по другим городам и так далее.

Необходимость социального страхования для этой категории граждан абсолютно не обоснована.

Мне кажется, что на самом деле реформирование всего этого правового пласта необходима. Вопрос только в том, как и какими методами.

Самое удивительное, что «флаг» реформирования тот же, что поднимали и работодатели.

Например, освобождение социального страхования от не страховых выплат. Можно только приветствовать. Хотя я уже сказала, что предлагаемые варианты реформирования приведут к тому, что «больной будет умирать от лечения, а не от болезни».

Туда же можно отнести и упомянутое мной 810 Постановление.

Ведь идея была совершенно здоровая. Нам предлагалось избавиться от архаичного института льготных списков и перейти к предоставлению компенсаций через определение реальных потенциальных опасностей реального рабочего места. Сам принцип ни коем образом не может быть оспорен.

Я думаю, что наибольшую опасность при реформировании данного пласта законодательства представляет *несистемность*.

Здесь уже упоминался такой элемент как повышение пенсионных обязательств по отношению к угольщикам. Здесь наибольшая опасность даже не финансовая, хотя она, вы сами понимаете, чрезвычайно высока. Очень высок социальный момент принятия такого решения...

Я хочу обратить ваше внимание, что данное решение принято *для подгруппы* людей. Из 1.100 – 1.200 человек, работающих под землей, данная норма

будет распространяться на 40 с небольшим тысяч. После ее внедрения в реальную жизнь, люди, работающие рядом, будут поднимать **тот же вопрос**... Уже сейчас ставят вопрос люди, работающие не на угле, а на руднях. У них есть те же проблемы. У них, правда, нет газа, но есть горные удары, есть обводненность, есть горные глубины.

Сейчас был разговор о том, каким образом учитывать мнение бизнеса при принятии тех или иных решений. Как ни странно, сейчас это же Постановление позволило нам наладить некую системную работу. Под эгидой РСПП ведется работа на трехсторонней основе по подготовке целого комплекса приказов.

Прежде всего, это реформирование 569-го Приказа об аттестации рабочих мест. Закончена текстовая часть. В ближайшее время будет перенесено в рабочую группу РТК. Предстоит очень сложная работа по определению критериев... Это чрезвычайно важно. Необходимо максимально сузить круг этих критериев. Привести их к реальным нормам. Потому что подобной жесткости, как у нас, нет больше нигде в мире.

Если позволите, некоторые соображения о том, что необходимо сделать.

Необходимо произвести ревизию социальных обязательств, определив и исключив утратившие социально-экономические функции или создающие неравенство.

Необходимо добиться реального участия представителей работодателей в определении направлений действий внебюджетных фондов и управления ими.

Ваш покорный слуга является членом правления Фонда социального страхования РФ. На последнем заседании (беспрецедентный случай!) был рассмотрен бюджет Фонда на следующий год. Это было бы замечательно все, кроме одного: уже 10 дней к моменту проведения Правления данный документ пошел в Правительство, и фактически на следующий же день был одобрен.

Добиться ограничения срока увеличения страховых взносов на обязательное мед. страхование. Я имею в виду 2% пункта. Совершенно очевидно, что к страховым принципам данное повышение не имеет никакого отношения. Уж если это решение будет принято, если это произойдет, что это была инвестиционная составляющая бизнеса. На год. На два. Не более того.

Необходимо все-таки определить основные направления и параметры модернизации социального страхования. Здесь, прежде всего, нужно определиться с кругом застрахованных. Это, видимо, самая важная проблема.

Необходимо, я думаю, в рамках РСПП, а в дальнейшем и в рамках трехсторонней комиссии рассмотреть вопрос о системах профессиональных пенсий. Как многие знают, данный проект уже много лет лежит и даже прошел 1 чтение. Я не хочу говорить о его качестве. Но сам принцип был абсолютно правильным. Рассматривалась система, а не единичные внесистемные выбросы.

Необходимо, на мой взгляд (уже пора), вносить изменения и уточнения в Трудовой кодекс. В ту же пресловутую 92-ю статью. Хотя бы в рамках гармонизирования нашего законодательства с европейскими конвенциями. Тем паче, что мы сейчас имеем возможность это сделать, поскольку проведены соответствующие процедуры.

Спасибо, уважаемые коллеги!

Александр Шохин: - Спасибо, Алексей Михайлович. Кстати сказать. Я бы в проект постановления, который мы примем по итогам обсуждения этого вопроса, включил бы и пункт о повышении эффективности деятельности Трехсторонней комиссии. То, о чем упомянул Алексей Михайлович. Те вопросы, которые выносятся на РТК, уже одобрены Правительством. Смысл их обсуждения почти нулевой... Когда профсоюзы или работодатели занимают резко отрицательную позицию, то председатель РТК, координатор – Жуков А.Д. – вынужден собирать согласительные совещания.

В частности, по соцстраху. По тем четырем «новеллам», которые Минздравсоцразвития придумало, мы договорились еще 18 октября встретиться, найти развязки. Хотя силу, как раньше говорили, перпендикулярности позиции не так легко найти.

Коллеги. Будем завершать обсуждение этого вопроса.

Сергей Юрьевич Беляков, директор департамента инвестиционной политики Минэкономразвития. Два слова о климате. Как он у нас сегодня? Погода не шепчет. Дело к зиме идет. А в инвестиционном климате, как вы думаете?

Обращаю, кстати, внимание, что теперь все правительственные чиновники все с iPad-ами ходят. Как Президент. Вот и бизнесу пора... На следующее заседание Правления без iPad-а не будем регистрировать.

Сергей Юрьевич Беляков, директор департамента инвестиционной политики Минэкономразвития России:

- Спасибо большое. Я как раз хотел бы начать с того, что не хотел бы говорить про **налоги**. Потому что после Андрея Михайловича, который ждет сигнала, а не изменений в законодательство, наверно, тяжело бизнесу, который живет по законам, что-то содержательное сказать, что было бы воспринято с таким же энтузиазмом. Тем не менее, очень коротко.

Очень странно было слышать выступление представителя ГД, не последнего человека в профильном комитете о том, что законодательство у нас не развивается.

У нас в последнее время был принят целый пакет мер в налоговой политике. Я уже не говорю про те меры, которые до этого были приняты. Они существенно снизили налоговую нагрузку. Это и антикризисные меры, и системные меры, которые были бы приняты безотносительно кризиса. Касались они и снижения ставки по налогу на прибыль, и целого пакета мер по **амортизационной** политике, и повышающего коэффициента, и 30% **амортизационной** премии, и упрощенного порядка возмещения НДС, который, по статистике ФНС, дал эффект с 2009 года. Много других мер. Но Бог с ним.

По инвестиционному климату. Мне кажется, что это более важно. Мы несколько увлеклись за последнее время мерами налоговой политики, пытаюсь снизить весь негативный эффект, который у нас есть в экономике – от излишнего участия государства, от наличия административных барьеров, от бюрократии. Попытка снизить этот эффект снижением налоговой нагрузки, - это, наверно, неправильно.

Мне кажется, нужно выявлять те проблемы, которые мешают бизнесу развиваться, которые увеличивают эту нагрузку, и принимать меры, которые бы исключали эти риски, исключали бы те проблемы, которые существуют.

Для нас сейчас ключевое направление – это меры по улучшению инвестиционного климата. Нас часто и справедливо критикуют за то, что те

меры, которые мы предпринимаем, не оказывают должного эффекта. Но тяжело расшатать существующую систему. Она инертна, и не все меры способны дать эффект в краткосрочной перспективе.

Мы для себя сейчас определили перечень из 7 направлений. Часть уже реализовали. Часть реализуем. Они призваны улучшить климат как раз в краткосрочной перспективе. Но мы не ставим точку на этих мерах.

Это – миграционная политика, таможенное законодательство, налоговая политика именно в применении к администрированию, к упрощению уплаты налогов при взимании. Это такой обоюдный интерес должен быть и налогоплательщиков (граждан), и юридических лиц (организаций), и налоговой службы (как администратора).

Таможенная сфера, таможенное администрирование. Приятно, что здесь это отмечалось как одна из ключевых сфер. Это значит, что мы правильно идентифицируем, правильно ставим диагноз состоянию.

Административные барьеры. Упрощение процедуры легализации инвестиционных проектов. В первую очередь это касается условий получения земельных участков, подключения к сетям и получения разрешения на строительство. Мы знаем, что сейчас большинство объектов строятся до получения разрешения на строительство. Это, конечно, подвергает риску последующую эксплуатацию и показывает, что ситуация не нормальная в этой области.

Точку на этих направлениях мы не ставим. Будем и дальше двигаться по этим направлениям, потому что по каждому из них подготовлен конкретный ряд мер. Будем двигаться и по другим направлениям. В рамках диалога с бизнесом важен не только диалог с иностранными инвесторами, о которых сейчас чаще говорят, чем о российских. Это неправильно. Наша задача улучшать климат не для иностранных инвестиций, а улучшать климат в стране в целом. Не создавая каких-то неправильных конкурентных преимуществ по отношению к одной из категорий инвесторов.

Для бизнес-климата важен этот диалог с бизнесом, чтобы оценить правильность тех мер, которые уже реализуются. А также мониторить ситуацию, чтобы оценить, а где возникают новые проблемы, которые до этого нами не были охвачены по каким-то причинам. Концентрироваться на их решении.

Мы хотим идти в формате step by step (шаг за шагом). Не пытаться решить все системные проблемы одномоментно, а решать конкретные системные проблемы. Тем самым упрощать условия ведения бизнеса для организаций, для предприятий, которые реализуют свои проекты в России. Тут, конечно, будут меры, связанные с налоговой политикой, и не налоговой политикой, и меры, связанные со снижением административных барьеров. Это касается и всех контрольных мероприятий, а не только налоговой службы. Это и забюрократизированность системы, и коррупция – проблема, которую все обозначают, и о которой, к сожалению, умалчивается. Тоже с этим будем бороться.

Что еще хотел бы сказать.

Недавно, в августе, вышло Постановление Правительства, которое наделило первого вице-преьера Шувалова Игоря Ивановича функциями уполномоченного по проблемам инвесторов. Опять акцентирую внимание, что это не по проблемам иностранных инвесторов, а по инвесторам как таковым. Он выступает в роли омбудсмена, защищающего интересы бизнеса в России. Без относительно того, к какой категории он относится.

Минэкономразвития этой функцией тоже наделено. Наш департамент занимается работой с жалобами и обращениями инвесторов. Я призываю обращаться к нам. Мы каждую жалобу будем детально рассматривать и решать.

К сожалению, это такой элемент ручного управления в экономике, но это те действия, которые позволят расшатать систему в хорошем смысле. Расшатать, подвинуть на какие-то системные изменения. Разбирая каждый кейс, каждую жалобу, мы работаем как с федеральными чиновниками, так и с чиновниками на местах. Там, к сожалению, больше всего проблем возникает, когда мы говорим о каких-то злоупотреблениях или бездействиях, которые мешают бизнесу реализовывать свои проекты. Накапливая такую критическую массу обращений и активно занимаясь этим в ежедневном режиме, мы фактически меняем ментальность, менталитет чиновников на местах и на федеральном уровне. Это не менее важно, чем изменения в законодательство, которые призваны эти явления под какую-то систему подвести.

Если коротко, то все. Готов ответить на вопросы.

Александр Шохин: - Я думаю, Вы часто бываете в РСПП. Вопросы мы Вам зададим. Если не сегодня, то в следующий раз. Я бы хотел сказать, что все-таки очень важно на основе конкретных жалоб конкретных предпринимателей и инвесторов (в том числе, иностранных, но не только иностранных) оценивать право применения.

Во-первых, насколько хорошие законы доходят до хороших действий властей и отражаются на хорошем поведении бизнеса. Во-вторых, думать о системных шагах. Чтобы это не выглядело так: пожаловался трудящийся, что его не подключают к сетям – этому конкретному индивидуальному предпринимателю решили вопрос. Нам нужно на конкретных примерах выработать подходы к системному решению конкретных вопросов, как вы сказали.

То исследование, которое мы сейчас ведем в 12 субъектах Российской Федерации по оценке инвестиционного климата через призму иностранных компаний – это деятельность традиционно в компетенции Консультативного совета по иностранным инвестициям. Он на следующей неделе, я так понимаю, состоится. Иностранные компании жалуются на конкретные проблемы: как правило, они рассказывают о своих проектах, что, на мой взгляд, себя уже изжило.

В 1994 году Консультативный совет был создан. Я сам принимал участие в его создании. Тогда это было важно – понять на конкретных примерах ведущих иностранных компаний, где у нас узкие места, что мешает. Но сейчас переключаться надо на системную работу в рабочих группах Консультативного совета, и в организациях бизнеса.

У нас есть Международный совет по сотрудничеству и инвестициям при РСПП, куда входит 100 иностранных компаний, активно ведущих бизнес в России. Американские, европейские, японские, китайские. Только нет у нас с ними отдельной технологии отношений.

Рабочие группы по таможенному регулированию, по налоговому регулированию, по миграционному законодательству, где вырабатываются на примере позиции компании системные предложения по изменению и законодательства, ведомственных инструкций, писем (вплоть до того доходим).

Пытаемся помочь конкретным компаниям не через жалобы Шувалову или Белякову, а все-таки вырабатывая системные предложения. Как и в предыдущем случае, я все-таки призываю Министерство больше думать о системных вопросах.

Наши коллеги из «Деловой России» ввели горячую линию, телефон, бюро жалоб и предложений. Мы не против этой работы. Мы считаем, что каждый ущемленный бизнес-интерес должен быть поводом для (если он законный – ущемление законного интереса) общения нас, как объединения бизнеса, с властью. Минэкономразвития, другими ведомствами. Контрольно-надзорными, в частности.

Если мы не будем на этих примерах менять систему отношений бизнеса и власти, то грош нам цена, как бизнес-объединению. Тогда лучше действительно: кто добежал – тот и решил свой вопрос. Кто первый встал, того и тапки.

Сергей Юрьевич Беляков: - Я еще раз акцентирую, что рассмотрение этих жалоб – это не самоцель. Удача по конкретному случаю меркнет по сравнению с теми проблемами, которые возникают из-за несовершенства законодательства и права применения.

Повод изменять законодательство или улучшать право применения. Я приведу пример (к нам обратились компании), связанный тем, что очень долго выдают разрешение на строительство. Мы им проблему решили. Там была их вина, поэтому они устранили недостатки. По факту им выдали.

Но в результате этих обращений был подготовлен комплексный план по внесению изменений в действующее законодательство, который предусматривает сокращение сроков реализации инвестиционных проектов.

Отсюда родилась идея по распространению заключений негосударственной экспертизы для получения разрешений на строительство. Отсюда родились инициативы, которые сейчас в виде законопроекта оформлены, по сокращению сроков экспертизы.

То же самое с миграционной политикой, то же самое с таможенным законодательством. Мы идем по пути, который вы описали. Мы на примере конкретного обращения... Ведь таких обращений по каждой теме несколько, много – они выявляют проблему. Мы на основании этого анализа делаем заключение о том, какие изменения в какое законодательство или

подзаконные нормативные акты нужны. Иницилируем их совместно с бизнес-сообществом.

Я согласен, что совместную деятельность можно активизировать. Мы готовы к этому. Вы можете нас в этом смысле использовать. Мы потребители той информации, которой вы обладаете, а не наоборот.

Александр Шохин: - Хорошо. Спасибо. При таком толковании понимания мы приветствуем взаимодействие по этому направлению. Коллеги, будем завершать обсуждение этого вопроса. У вас проект решения на руках. Анатолий Васильевич опять просит слово.

Анатолий Васильевич Сысоев: - Вопрос какого порядка... Все вопросы, которые вы обозначили, совершенно правильные. Но кадастровая стоимость земли, которая привела к увеличению налога собственников земли в 4, а то и в 10 раз, требует дополнительного рассмотрения.

Предлагается провести в рабочем порядке встречу **Минэкономики**. Определиться с методикой, которой они сегодня пользуются. Та оптимизация, которую сейчас делаем, не решает всех проблем. Более того, тот, кто выкупил землю, в 20 раз больше платит, чем тот, кто в аренде. У меня просьба.

Александр Шохин: - Это тема серьезная. Мы ею плотно занимались на протяжении нескольких лет, добиваясь нормальной кадастровой оценки. Но не сумели добиться нормальной процедуры. Принятие решения оценки, судебная технология оспаривания оценки и так далее – над этим нужно работать.

Как коллега Окуньков упомянул применительно к фондам соцстраха и медстраха, главный критерий - погасить дефицит бюджета в соответствующих фондах. Так и с кадастровой оценкой, и с аналогичными технологиями. Не хватает денег муниципальным бюджетам, не добавляет им через федеральные субвенции на выполнение тех или иных функций – имеют полное право делать все, что хочется с кадастровой оценкой, с местными налогами. К сожалению.

Анатолий Васильевич Сысоев: - Александр Николаевич, смотрите. Один метр квадратный (кто платит аренду) – 1 рубль 20 копеек. Тот, кто имеет свою собственность, который уже заплатил деньги государству, имеет 24 (два - четыре - ?) рубля. Бессмыслица. Все равно нам встречаться и договариваться.

Александр Шохин: - Согласен. Главное – эту логику устранить. Чтобы был здравый смысл, а не фискальный интерес. Очень важно нам технологию (в том числе и технологию оспаривания)... Сергей Юрьевич над этим работал, когда в РСПП занимался этим вопросом. Как там – можно продвинуть что-нибудь? Будем двигать. Спасибо. Коллеги, если нет замечаний по проекту решения. Да, Владимир Ильич? К трибуне? С места? Микрофон Вам сейчас девушки дадут. Владимир Ильич Лузянин.

Владимир Ильич Лузянин: - Есть один вопрос, который ставился не раз РСПП. Мне кажется, я нашел его в приложениях, в третьем пункте даже.

Говорят, в кризисный или послекризисный период не надо менять налоги. Это заявил Президент. Налог... Практически это налог. Страховые взносы по медицинскому страхованию – это 8% плюсом.

Мы в области посчитали, получается (если примерно), область теряет примерно 3 миллиарда на этом налоге. Он затрагивает многие вещи. Главное – он затрагивает заработную плату. Неужели я буду увеличивать заработную плату, от которой этот налог, эти 8 процентов считаются? Или что-то другое делать?

Просьба такая. Придать остроту какую-то от РСПП по этому налогу. 1 января скоро будет. Покров день. Падает снег. Мы перейдем и сразу получим очень много проблем по этим вопросам.

Александр Шохин: - Владимир Ильич, вопрос абсолютно правильный, мы его неоднократно ставили. Кстати сказать, в начале прошлого, по-моему, года, когда уже принято решение о замене ЕСН социальными платежами. Во-первых, я напомним, именно благодаря нашей позиции правительство перенесло на год введение 34-хпроцентной суммарной нагрузки по

социальным фондам с 26-ти, хотя 26 – это тоже повышенная нагрузка, учитывая отсутствие регрессии. Это первое.

Второе. Тогда мы даже предлагали – Владимир Владимирович, помню, сильно удивился – я предложил повысить налог на прибыль с 20-ти до 24-х процентов. Но сохранить старую систему социальных платежей по размерам и начать реформирование. То есть, оставить их в режиме даже администрирования за счет **ФСН (?)** и начать как бы неспешное, но в сжатые сроки обсуждение того, что такое реформа пенсионная, медстраха, соцстраха и так далее.

То, что сейчас мы идем совершенно противоположным путем, покрываем дефицит фондов, а он не покрыт, все равно дефицит остается. То, что сейчас по отдельным профессиям, о чем уже говорилось, по шахтерам – Алексей Михайлович говорил – принимаются частные решения, это же спусковой крючок. Пойдут за этим другие группы. У нас будет не 34, а все 40. По некоторым запросам социальных ведомств может быть и под 50 с нагрузкой на фонд заработной платы. Чисто фискальный подход.

То, что деньги ни откуда не берутся и зарплата будет уменьшаться, чем больше будет нагрузка на фонд зарплаты, мы эту позицию на последнем заседании **РТК (?)** на прошлой неделе пытались донести до наших партнеров. Профсоюзы это понимают, кстати сказать. Осталось всего лишь убедить Правительство.

Поэтому сейчас мы по медстраху, например, предложили схему. Хорошо, пусть 2 процента – ее озвучил Алексей Михайлович – это будет, условно говоря, дополнительный социальный налог на бизнес. Но не надо торопиться объявить это медицинским страхованием. Нет медицинского страхования в той версии закона, который внесен в Государственную Думу.

Вчера **Татьяна Голикова** уже начала озвучивать новую модель, где элементов страхования чуть больше, чем в том варианте закона, который в Думе находится. Но это опять-таки экспромт, который мы не обсуждали. Он уже ближе к нашей позиции, но это еще не согласованная позиция.

К сожалению, фискальные меры через принятие новых тарифов очень сильно опережают реформирование этих систем. Главный критерий, который выдвигает Минздравсоцразвития – бездефицитные социальные бюджеты. Они будут все время дефицитными при таком подходе. Все время будет возникать потребность подпитывать эти бюджеты за счет повышения ставок.

Если мы в принципе не определимся, как должна функционировать та же система пенсионного обеспечения, как профессиональная пенсионная система, как накопительная пенсионная система, реформа которой провалилась, по сути дела, несмотря на десятилетние усилия и Зурабова, и Голиковой, и нескольких правительств, и так далее.

Без ответа на эти вопросы у нас этот фискальный подход будет преобладать. Это не системное решение вопроса. Это конъюнктурное решение затыкания бюджетных дыр.

Но база-то будет уменьшаться все время – и в силу ухода в тень, и в силу того, что если нагрузка на ФОР будет расти. Не только по причине той, что в серой зоне и в конвертах будет зарплата получаться. Просто ресурсов для повышения зарплат не будет.

Все-таки высокие доходы граждан – это одно из условий восстановительного роста, восстановления спроса и так далее. Мы загоняем проблему в тупик, как мне кажется.

Мы не можем сейчас ставить вопрос отменить 34 процента. Но мы поставили вопрос: 2% на медстрах объявить налогом, условно говоря. Приняли. Более того, закон о медстрахе еще, как говорится, лежит, а бюджет фонда уже одобрен Правительством. Принят... Потому что он часть бюджета.

Если бюджет принят, аргумент очень простой будет у Правительства и у Думы: мы же не можем принимать закон, который противоречит принятому закону о бюджете медстраха, соцстраха, пенсионного фонда и так далее.

Вот мы и действуем по этой схеме сейчас. Сначала повышаем ставки, утверждаем бюджеты – потом начинаем обсуждать, какая реформа нужна.

Мы считаем, и профильные комитеты наши определили позицию, что никаких реформ в этих секторах нет и не надо их объявлять реформами. Пусть будет даже высокий платеж на 2011-2012-й год. За это время либо отменим через два года, либо разработаем систему, которая действительно будет страхованием, а не налогом.

Вы правы, Владимир Ильич. Это налог. Как его ни называй, пока это налог, который администрируется другим способом. Ничего страхового там нет.

Можно было бы, не делая вид, что это страховая система, как минимум за 2011-й год разработать принципы с тем же медстрахом. Есть много моделей

страховых. Германская, английская, канадская и так далее. Мы создаем свою, замороженную.

Надо ли ее создавать? Может, посмотреть на опыт других стран? Почему в богатых странах нет страховой системы – например, в Великобритании? Они не дошли до этого, а мы дошли уже.

Поэтому есть, над чем поработать. Я, понимая важность этой проблемы, тему социальной нагрузки на бизнес, прежде всего, через отчисления в соответствующие фонды, выделил как отдельную тему нашей работы, имея в виду, что мы просто обязаны активно взаимодействовать с Правительством, Думой по поиску оптимальных механизмов функционирования соответствующих систем пенсионного и социального страхования и медицинского страхования.

Коллеги!

Если других предложений нет по решению, предлагаю поддержать проект постановления, давая возможность в течение трех дней дополнить его вашими предложениями. Не возражений? Тогда без голосования.

Коллеги! Еще три вопроса по минуте на каждый. Разрешите мне коротко.

Первый – Неделя российского бизнеса. Мы в апреле уже не первый год проводим Неделю российского бизнеса, в течение которой у нас несколько форумов, несколько сессий по ключевым проблемам. Бюро Правления РСРП сегодня одобрило проведение Недели 18-22 апреля 2011 года.

Учитывая, что 22 апреля много событий – не только те, о которых вы помните, но еще и Страстная пятница, – мы Неделю в 4 дня уложим. 18-го начнем, 21-го закончим.

Если нужно будет проводить круглые столы, форумы, конференции, которые не уложатся в эти 4 дня, мы предлагаем накануне их проводить, то есть, до официального открытия Недели российского бизнеса.

Просьба вам подумать над темами, которые мы должны вынести на публичное обсуждение, имея в виду как раз проведение конференций, круглых столов. Поскольку мероприятие публичное, много гостей (не только членов РСПП), прессы много, Правительство более ответственно подходит, чем сегодня, к участию в наших мероприятиях.

Кудрину А.Л. разрешили сегодня принимать подарки и поздравления, поскольку вчера его не было на работе. Обещал Шаталова прислать. Вызвал Шаталова именно в тот момент, когда он собирался к нам прийти.

Это не означает, что мы не поздравим Алексея Леонидовича с 50-летием. С вашего разрешения мы ему вручим почетный знак РСПП за активное взаимодействие с бизнесом, не всегда, правда, приводящее к удовлетворительным для бизнеса результатам.

Кстати, надо сказать, что Минфин и лично министр были против реформирования ЕСН по причинам, которые здесь обсуждались, и, в частности, бился до последнего за 2 процента по медстраху. Но социальные аргументы возобладали.

Нет возражений провести Неделю российского бизнеса и поручить вам подумать над темами, которые представляют такой общественный интерес. Как говорит Президент РФ, подумать над резонансными темами.

Договорились. Проект постановления есть. Я думаю, голосовать нет необходимости.

Второй вопрос о проведении очередного съезда. Коллеги, мы решили еще год назад, что мы в рамках Недели российского бизнеса пленарные заседания Недели проводим в форме Съездов. В том числе потому, что у нас есть несколько вопросов, входящих в компетенцию Съезда. В частности – ежегодное обновление нашей среднесрочной программы.

У нас программа на 3 года с выделением 2010-го года. То есть, нам надо проанализировать, что удалось, что не удалось, и скорректировать наши задачи по взаимодействию с властью на 2011-й год. Поскольку документ принимался решением Съезда и будет приниматься, то съезд даже по этой причине должен состояться.

Во-вторых, по Уставу мы **ротлируем** состав Правления с предоставлением полномочий всех членов Правления до очередного Съезда. Очередным Съездом мы должны формально утверждать вновь избранных или ушедших из Правления коллег.

Наконец, всегда что-то, как говорится, набегаёт, поэтому по отдельным вопросам могут быть приняты иные решения.

Предполагается три пункта в повестку дня очередного Съезда на 21-е апреля.

Кстати, есть еще и формальная сторона Съезда. У нас все-таки как что ни строй – все КПСС получается, как говорил Виктор Степанович Черномырдин, так и у нас.

При слове Съезд какой-то трепет есть. Поэтому нам легче приглашать гостей, чиновников и высокопоставленных гостей в том числе на мероприятие под названием «Съезд», нежели Неделя. На Неделю они могут сказать, что «давайте не сегодня, а завтра, через неделю» и так далее. Тут все-таки более жесткая конструкция.

Предлагается поручить Бюро Правления РСПП рассмотреть все вопросы, связанные с подготовкой и проведением Съезда, имея в виду, что его повестку дня вы утвердили. Нет возражений? Принимается.

Последний вопрос об изменении в составе Правлений и наших организаций.

Напомню, что у нас две организации: общественная и работодательская. Предлагается вывести из состава Правления в связи с личным заявлением и выходом на пенсию Бирюкова Александра Андреевича и в связи со сменой работы в порядке ротации Занозина Сергея Георгиевича, **Корищенко** Константина Николаевича и **Кручинина** Анатолия Николаевича.

Когда эти коллеги определятся с новыми местами работы и эта работа будет, как говорится, профильная для нас, мы, естественно, рассмотрим возможность их возвращения в Правление. Но пока они, что называется, на перепутье.

Кроме того, у нас было печальное событие. Одно вакантное место появилось в связи с кончиной Валерия Геннадьевича Слепова, члена Правления, руководителя Саратовской региональной организации.

Предлагается в этой связи на вакантные места избрать следующих коллег. **Аганбегяна Рубена Абеловича**, Президента ММВБ; Масалова Анатолия Карповича, Президента межрегиональной организации руководителей предприятий Новосибирской области – это региональное отделение РСПП; Миронова Виталия Николаевича, Президента регионального объединения работодателей Владимирской области; Якушева Якова Семеновича, руководителя регионального отделения Ярославской области.

Кроме того, предлагается избрать в состав Правления общественной организации **Язева** Валерия Афонасьевича, Заместителя председателя Государственной Думы, Президента Российского газового общества, которое

оформилось сейчас, кроме всего прочего, как объединение работодателей и является членом РСПП.

Если нет возражений по кандидатурам, на вход – на выход, то на этом повестка дня исчерпана. Я хотел поблагодарить вас за работу. Мы хотели закончить не позже половины второго. Извините, что вас задержали. Спасибо. До встречи.

Хотел вернуться к своему выступлению. Наверное, мы будем проводить мероприятие в начале декабря – в конце ноября по анализу инвестиционного климата в регионах на основе нашего исследования. Я попросил бы те регионы, которые попали в наше поле зрения, активно принять участие в подведении финальных итогов и в обсуждении этих тем.

Спасибо!

Конец записи.